

Э. Шюре

**ВЕЛИКИЕ
ЛЕГЕНДЫ
ФРАНЦИИ**



Эдуард Шюре

Великие легенды Франции

Серия «Vita memoriae»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6376417

Великие легенды Франции / Пер. с фр. Кравченко Т.В.: Новый Акрополь;

Москва; 2014

ISBN 978-5-91896-119-3

Аннотация

«Эта книга стала путешествием в поисках кельтской души Франции». В своей книге автор обращается к временам средневековой Франции, к ее старинным легендам, известным или уже забытым, в попытке прикоснуться к истокам души французского народа. На ее страницах, благодаря поэтическому и образному языку автора, оживают знаменитые барды Мерлин и Талиесин, средневековые рыцари и святые; от древних кельтских алтарей, через мрачные средневековые аббатства мы переносимся в великолепие готических соборов Бретани и Мон-Сан-Мишель – одного из самых красивых и загадочных мест во Франции. Эта книга – действительно увлекательное путешествие через века и народы.

Содержание

Предисловие	4
Глава I	8
I. Эпоха кельтов. – Стена язычников. – Галлы и тевтоны	19
II. Эпоха Меровингов. – Легенда о святой Одили	34
III. Эпоха Каролингов. – Легенда о королеве Ришарди	45
IV. Собор Страсбурга и его легенды	59
V. Крестьянская война. – Колдуны и проповедники	77
VI. Революция. – Роже де Лиль. – Клебер	85
VII. Памятник в Морсбронне	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Шюре Эдуард

Великие легенды Франции

Предисловие

Кельтская душа

Когда я задумываюсь над тем, чем была для меня эта книга, в которой я совершил путешествие от вершин Вогезов до равнин Бретани и мыса Финистер, когда я пытаюсь понять, какому внутреннему голосу, какой скрытой воле я подчинялся, когда писал эти строки, я внезапно понимаю, что меня манила мистическая цель, без моего ведома определившая путь, который мне предстояло пройти.

Эта книга стала путешествием в поисках кельтской души.

Кельтская душа – внутренний и глубинный дух Франции. Именно от нее исходили первичные импульсы, ставшие высочайшим вдохновением французского народа. Впечатлительная, трепетная, неудержимая, кельтская душа бросается из крайности в крайность, и ей очень нужна направляющая рука, чтобы найти точку равновесия. Послушная инстинктам, она станет яростью, бунтом, анархией; обратившись к своей сути, она станет интуицией, добродушием, человечностью. Страстная жрица или возвышенная Ясновидящая,

кельтская душа стала в нашей истории великой воительницей, которая всегда способна возродиться после самых жестоких поражений. Она великая Спящая, всегда воскресающая после векового сна. Подавленная латинским духом, порабощенная духом германцев, древняя пророчица из века в век выходит из своего густого леса. Она появляется вечно молодой, увенчанной венком из зеленых ветвей. Ее глубокий сон всегда предвещает яркие пробуждения, ведь душа – это божественная искра, вдохновляющий огонь, горящий в каждом человеке. И как у каждого человека, душа есть у каждого народа. Когда душа становится темной и гаснет, народ слабеет и умирает. Когда она зажигается и горит, народ исполняет свою миссию в мире. Ведь чтобы человек или народ исполнили свое предназначение полностью, душа должна достичь полноты самосознания, полностью владеть собой.

Этого еще не произошло с нами, но именно к этому готовится кельтская душа Франции. Бретань – это ее древнейшее святилище, но она живет, она трепещет в каждой крупице нашей земли и в каждой эпохе нашей истории, от Галльских войн до Столетней войны, во Французской революции и даже сегодня она готова раскрыть свои секреты всему миру. Она говорит с миром через героев, поэтов и мыслителей Франции. Я попытался найти кельтскую душу у ее истоков, в нескольких древних легендах и в пейзажах, в окружении которых они родились.

Легенда, сияющая мечта души народа – прямое их выра-

жение, живое откровение.

Как глубины подсознания, она отражает Будущее и Прошлое. В ее волшебном зеркале отражаются величественные фигуры и говорят об вечных истинах.

Если судьба германцев запечатлена в Эдде, предназначение кельтского доброго гения сверкает в тирадах бардов; его воплощением стали великие легенды о святом Патрике, чародее Мерлине и маге Талиесине. Но как часто забывчивые потомки не помнят о предках! Я попытался возродить образы этих первых пророков нашего народа, видевших прошлое и будущее, ведь они вечно живут в Нескончаемом Настоящем.

О Кельтская Душа, спящая в сердце Франции и бодрствующая в ее глубинах, я хочу, чтобы зазвучали все струны твоей мелодичной арфы, но все, что я могу сделать, это извлечь несколько отдельных нот. Но если любая книга – лишь несовершенное слово, ты, нежная и могущественная душа, можешь раскрыть свету дня свои глубины и величайшую гармонию! Итак, забудь долгие дни траура и заблуждений, слово твое будет не мертвой буквой, но живым звуком. Скажи же в полный голос народам-братьям свое слово Любви, Справедливости и Братства!

Когда я назвал свою книгу *Великие легенды Франции*, я осознал, что смог сделать лишь несколько робких шагов по огромному полю. До сих пор легенда была для нас лишь предметом изучения или почвой для фантазии. Ни филосо-

фия, ни история, ни психология глубинная или трансцендентная еще не осознали важности легенд и не обратились к ним. Романтизм рассматривал легенды просто как материал, который предстоит обработать воображению. Осознание того, что предания – это глубинная поэзия, пришло лишь сейчас. Лишь сейчас стало понятно, что в них душа проявляет себя как интуиция, которую мы называем бессознательным, и что они иногда похожи на явления высшего разума. Мне показалось, что лучшим способом раскрыть этот цветок, объяснить его суть и познать тончайший аромат будет поместить легенду в ее природное и историческое окружение.

С помощью великих легенд Франции я хотел, чтобы в каждом проснулись чувства, которые помогут подняться над местными интересами и влиться в движение, создающее единство Франции. Мне хотелось, чтобы великие предания разбудили чувство символизма истории, ибо они представляют основной элемент коллективной души народа.

Итак, эта книга является лишь первым и скромным снопом, собранным во время великой жатвы.

Рождество 1891 года

Эдуард Шюре

Глава I

Легенды Эльзаса

Будущее Европы связано с вопросом об Эльзасе-Лотарингии. Немцы поработочены, они утверждают анархию, в которой правит закон Силы. Французы свободны, они утверждают единство Европы, в которой правит закон Права.

Эльзас всегда играл в истории второстепенные роли, но его географическое положение и скрытое чутье его людей оставили этой земле уникальное место в содружестве европейских народов, и, кажется, предназначили его к особой миссии. Расположенный в самом центре долины Рейна, между Галлией и Германией, на пути всех завоевателей, Эльзас был с начала времен главным театром сражений двух народов, двух цивилизаций. Захватываемый то Германией, то Францией, испытывая их двойное воздействие, Эльзас никогда не терял своей индивидуальности и оставался целью и смыслом этой борьбы. Вот уже две тысячи лет длится соперничество между греко-латинской цивилизацией и цивилизацией германцев. Продолжателем дела первой стали все романские народы, а Франция – авангардом; Германия же – обширный источник сил второй, ставший под рукой Пруссии великолепным и активным соперником первой.



Альпийское озеро



Эльзас

Из ночи времен Эльзас вышел на свет истории в отсветах мечей. Это случилось в тот день, когда римские легионы сбросили в Рейн Ариовиста и его союзников, двенадцать князей тевтонских племен, между Кольмаром и Серне. После этой победы Цезарь с гениальностью провидца предназначил землям между Vogезами и Рейном быть воротами Галлии. Так и было до падения империи. Победы Юлиана и Грациана укрепили римское владычество на этих терри-

ториях. Но варвары в конце концов прорвали преграды. С IV по VI в. нашей эры по землям Эльзаса проносятся орды вандалов, готов, остготов и гуннов. Когда король франков Хлодвиг завоевывает Галлию, Эльзас становится частью его державы и сюда приходит мир. Спокойствие царит в Эльзасе при Меровингах и Каролингах. Но с пресечением рода Карла Великого императоры Германии захватывают эти земли, в то время как Капетинги шаг за шагом создают Францию. И пока Эльзас входит в состав Священной империи, его история состоит из войн сеньоров и кланов. Но появляется новая сила: растущая мощь и независимость вольных городов. Можно сказать, что в средневековье вплоть до XVII в. Эльзас все больше тяготеет к Франции. Политическая необходимость пока играет в этом процессе роль меньшую, чем близость черт, составляющих основу французского характера: образованность, обходительность, рыцарственность. Когда Эльзас при Людовике XIV стал частью Франции отделение от Германии прошло без насилия и полюбовно. Если, с одной стороны, Реформация создала между Эльзасом и Германией сильную духовную связь, национальное движение, поднявшееся во Франции во время революции, всколыхнуло Эльзас до основания. Именно в этот момент душа Эльзаса стала французской. Эльзас воссоединяется с Францией потому, что разделяет ее идеалы справедливости и свободы. Ни неудачи, ни просчеты, ни сумасбродства не могут их разлучить. И в тот момент, когда Эльзас, уверенный в себе,

сильный своей историей, уверенный в своем будущем, готов сделать вклад в культуру родины, передать родине свои лучшие силы и свою живую оригинальность, жестокая Немезида, неизбежная война вырывает его у матери, чтобы передать связанным по рукам и ногам нерадивой мачехе. Странное стечение обстоятельств снова поставило под вопрос счастье и безопасность Эльзаса, но не его непоколебимую веру.



Руины замка

История страны, подобной Эльзасу, сразу же вызывает интерес. Расположенный между Германией и Францией, Эльзас черпал из обоих источников. Сосуществовали или соперничали два духа? Пытались вытеснить друг друга или гармонично соединялись? Что же определило судьбу этой страны, ее характер, одновременно патриотичный и космополитичный?

Не удивляйтесь, читатель, ответы на эти сложные вопросы мы попробуем получить у скромных народных преданий. В наши дни существуют люди, столь убежденные в превосходстве настоящего, столь ограниченные своей современностью, что готовы стереть из памяти все то, что произошло до их рождения. Они сильно удивятся, если узнают, что корни нашей духовной жизни находятся во временах, как говорят, «царя Гороха». Но эти страницы предназначены не для них, скажем прямо. Те же, кто ценит спонтанные и неосознанные проявления человеческого духа, кто любит выискивать в легендах черты психологии народа и самые тонкие ароматы поэзии, да позволят мне сделать сравнение. В нас живет два существа: несовершенный человек, грубый, полный желаний и слабостей, и другой, сияющий двойник, идеал, заключенный внутри нас, который проявляется в решающие моменты жизни. Это прообраз нас самих, и, уверяю вас, за ним будущее. Это и благородное призвание, и вечная мука для тех, кто лишился рассудка из-за осознания этого. Это счастье и горе тех, кто удостоился этого видения! Они вынуждены ве-

сти тяжелейшую битву. Ибо кто захочет отказаться от своей божественной природы, ощутив ее? Однако то, что верно для человека, верно и для народа. В жизни народа бывают проявления духа более или менее поверхностные, более или менее глубинные. На поверхности лежит грубая ткань материальных фактов. Литература рассказывает нам о более глубинных явлениях сознания народа; легенда же открывает нам глубины этого сознания, ибо источник ее – религиозные чувства, а форма – поэзия. История показывает нам народы такими, какими они были; легенда – такими, какими они могли быть, какими мечтали стать в лучшие моменты своей жизни. Неужели легенды не имеют значения для глубинной психологии народа?



Да не постигнет нас ошибка. Легенды Эльзаса предстают перед нами незавершенными, неопределенными, и это пленяет. Труверы и рапсоды их игнорировали. Бульшая часть этих преданий едва освобождена от пыли хроник, а случайности времени не позволили им развиться полностью. Это, в общем, глупые традиции, непостоянные и находящиеся в начальной стадии развития. Но по сильным семенам и росткам этих легенд можно только догадываться о мощности всходов. Так в питомнике уже виден лес. Под легендами мы понимаем здесь мистические традиции, поэтические видения и все воспоминания, пережившие время, уцелевшие в потоке веков. Источники их могут быть мифологическими, религиозными, народными или историческими. Словом, мы обратимся к тому, что трепетало и жило и до сих пор трепещет и поет в душе Эльзаса.

Среди бесчисленных вершин, что венчают Вогезы, и скал, что усеивают горные склоны, есть, как в Бретани, *говорящие камни*. Крепко стоят на горных хребтах или на крутых скалах среди обширных сосновых лесов эти *менгиры*. Они возвышаются над океанами зелени. Это немые свидетели ушедших столетий. Если темной ночью приложить ухо к трещинам в песчанике, поросшем мхом, можно услышать звонкий смех или мелодичные вздохи, истекающие из глубин камня. Играет ли это ветер в скалах? Поскрипывают ли это ветви

вековых сосен? Деревенские девушки скажут вам, что это *голоса фей*, вспоминающих прошлое и предсказывающих будущее.

Так прислушаемся же на миг к старым и вечно молодым легендам страны и попробуем расслышать через века песнь ее души.

I. Эпоха кельтов. – Стена язычников. – Галлы и тевтоны

Если окинуть взором этот обширный сад, что зовется равниной Эльзаса, на горизонте можно различить волнистую полосу темно-синего цвета. Это Вогезы. Там – желтые нивы и хмельники, здесь – поля рапса, где за занавесом ольхи, что обступает приветливые деревни, не скрывая их, всюду вы увидите эти поросшие лесом хребты и крутые вершины, которые притягивают взгляд и умиротворяют вид.



Пророческие камни из Морбиана

Покинем виноградники, которые опоясывают горы, пойдем по одной из долин, что спряталась от глаз, достигнем вершин через леса, где дубы и буки сменяются соснами, и

нашему взору откроется другой вид. С пиков Баллон, Онек, Брезуар и Донон вырисовывается рельеф гор. Из лабиринта долин вершины Вогезов поднимаются островами из океана лесов. Это не обрывистые кручи Альп и не монотонные плато Юры, но величественные купола или спины гигантских допотопных животных. Последуйте за каменистыми уступами, пройдитесь по плато, и вы почувствуете, что очутились в другом мире. О таких местах говорят, что они самой природой предназначены для тайных собраний. Современная жизнь отгородилась от этого мира равниной, которая отсюда выглядит огромным изменчивым морем. *Бурги*, укрепленные поселения, бесчисленными руинами исчезли под нашими ногами. Мы двинемся из средних веков во времена доисторические. Хребет Тенишель, который спускается от вершины Брезуар к замку Рибовиль, обрамляют странные камни. Грани этих камней обработаны или выдолблены. Огромные груды камней нависают над пучинами леса. Их контуры вырисовываются под снегом, их покрывающим, или тянутся в пустоту, напоминая морды кабанов. То тут, то там сосны подпирают монументальные стены. Чуть дальше россыпи камней уже поглотил лес. Во всем, кажется, можно за капризами природы угадать руку человека, будь то форма камней, их грани, насечки на них. Неужели исчезнувшие племена поклонялись здесь своим ужасным богам?

Близится буря. Тяжелые грозовые тучи скрывают гору. Молния озаряет тусклую землю. Долины наполняются рас-

катами грома – и, дрожащему от страха, вам видится Таранн, бог галлов, что бросает на скалы свой каменный молот, и из леса, терзаемого ураганом, слышится голос Эсуса.

Если пройти по тропинке, ведущей с севера на юг, можно найти более отчетливые следы пребывания здесь примитивных племен. На горе Шнееберг это качающийся уравновешенный камень; на вершине Донон – руины галльского храма; наконец, на горах Сен-Одиль и Меленштейн – языческая стена, величественное сооружение, вот уже сто лет восхищающее туристов и лишаящее покоя археологов. Оставим ученым задачу определения эпохи, к которой относятся мегалитические постройки. Им решать, кто первым заселил Эльзас: троглодиты, носители культуры кремневых орудий или полированного камня, племена с вытянутым или приплюснутым черепом, арии или туранцы, а может быть, еще кто-то. Отправимся сразу в эпоху галлов и кельтов, которую можно с уверенностью назвать первой исторической эпохой Эльзаса, ибо именно это время оставило следы в языке и легенды.



Кельтское святилище из Калланиша

Итак, перенесемся в те времена, когда галлы уже расселились по левому берегу Рейна, за век до Цезаря и за пятьдесят лет до вторжения кимров и тевтонов. Равнина Эльзаса была покрыта лесами и пастбищами. С высоты птичьего полета виднеются более темные пятна. Там находятся деревни секванов и медиоматрисов. Дома в этих поселениях деревянные и круглые, крыши сделаны из тростника. Там живут охотники и рыбаки. Они поклоняются Вогезу, богу гор. Галлы представляют его то в виде пастуха, гонящего стада зубров и диких лошадей, в изобилии обитавших в этих лесах, то в виде огромного воина, стоящего на одной из вершин горной цепи, обратясь в сторону Германии. Они взывают также к Рейну, богу реки, старцу, которому приписывают дар пророка. Но это местные боги, занимающие подчиненное положение по отношению к великим арийским божествам, общим для всех галлов: Эсу, Таранну, Белену. Служение этим богам было прерогативой друидов, а их святилища располагались на горных вершинах.



Статуи кельтских богов

Уже в эти отдаленные времена в Эльзасе была священная гора. Как это ни странно, таковой она считается и в наши дни. Ибо, как мы увидим позже, христианская легенда была привита на языческие корни. Но пока нам лучше забыть о том, что мы находимся на горе св. Одили, и вместо монастыря представить себе храм солнца, венчавший ее в те времена. Эта гора – самая замечательная в Эльзасе, как по расположению, так и по форме. Видимая отовсюду, она была предназначена для почитания на протяжении веков. Высокое плато можно заметить уже за десять лье. Гора Менельш-

тейн возвышается на левой стороне плато и является его самой высокой точкой. На равнину спускается длинный отрог, где возвышается замок Ландсберг. На правой стороне плато из мрачного соснового леса поднимается, как осажденная крепость, одинокая скала. Сегодня здесь монастырь, но две тысячи лет назад здесь был храм Белена, а сама скала называлась горой солнца.

Переместимся на Менельштейн и насладимся восхитительным и диким видом, покоряющим контрастами и величием. Мы парим. Горы и равнины простираются, насколько хватает глаз. Руины Анлау и Спесбурга, столь величественные, если смотреть на них снизу, теряются, превращаясь в лачужки. Четыре или пять горных цепей вздымаются друг за другом, как океанские волны, цвет которых меняется от светло-зеленого до глубокого индиго, когда они накатывают на вас. Но рядом с головокружительными вершинами расстилаются равнины, очаровательные и обещающие отдых. Они подобны бесконечному саду с лугами, колокольнями, купами деревьев и тянутся до самого Черного Леса. Летними вечерами зубчатый силуэт Альп поблескивает миражом за туманными очертаниями Юры.

Земля, поросшая дроком, занимает вершину и подковой обнимает равнины с севера. Нечто привлекает внимание среди всего, что мы видим. Это старая стена, которая тянется по плато и повторяет изгибы рельефа. Она возведена из огромных блоков грубо обработанного вогезского песчани-

ка. Но блоки эти столь велики и так плотно подогаданы друг к другу, что века их не поколебали. Иногда можно заметить, что некоторые из блоков соединены между собой небольшими деревянными штырями, которые называют «ласточкин хвост». Тут и там камни выступают из скалы, прислоняясь к горным выступам. Согласно кельтской мифологии, они называются алтарями Белена. Иногда стена, следуя рельефу, спускается в расселину, но только для того, чтобы вскоре снова взобраться на горный хребет. Стена тянется по плато более двух лье. Некогда люди, пораженные этой могучей постройкой, приписывали ее возведение дьяволу. Отсюда ее название: *стена язычников*. Ни люди, ни стихии не смогли ее разрушить. Бури обрушивались на нее, время пробило в ней бреши, сосны бросились во множестве на штурм – стена выдержала все. Деревья захватили простенки, запустили вглубь свои корни. Но деревья сохнут и умирают, а незыблемая стена осталась. Она венчает гору и, похоже, разрушится только с ней.

Каким бы ни был возраст этой величественной постройки, а над этим вопросом бьются многие ученые¹, ясно, что стену возвели с целью защиты плато. С другой стороны стены, на огороженном пространстве, обнаружены *курганы*², постав-

¹ Шепфлин в книге «Иллюстрированный Эльзас» (Schoepflin. *Alsatia illustrata*) ошибочно полагает, что стена была возведена галло-римлянами. Швайгхаузер и Левро считают, что ее построили кельты, что более вероятно. (Здесь и далее – примечания автора. – Т.К.)

² М. Вуло нашел восемь захоронений на пространстве, ограниченном языче-

ленные на бок *менгиры*, *дольмены* и жертвенные камни усеивают гору и прилегающие долины, даже названия местечек³, – все доказывает, что в кельтскую эпоху гора была центром великого культа. Обратимся к фактам, связанным с памятниками и преданиями кельтской эпохи, а также, добавим от себя, историей и легендами, и попытаемся восстановить события доримского периода, свидетелями которых были эти камни.

В кельтской Галлии было четыре крупных религиозных центра, где собирались племена разных регионов. В определенное время здесь обсуждали религиозные, политические, военные и судебные дела конфедерации племен. Такими центрами были Карнуг (современный Шартр) в Центральной Галлии, Карнак в Бретани, Эльзасский массив в Безансоне и гора Элла (Бела или Белена), современная гора св. Одили⁴. Последний центр был самым близким к Германии. Ко-

ской стеной. Он описал их в своей книге «Доисторические Вогезы» (Voulo. Les Vosges avant l'histoire. – Mulehouse, 1872). Костяки, топоры, ожерелья и кольца, найденные им в этих захоронениях, находятся сейчас в археологическом музее Эпинал. М. Вуло является хранителем в данном музее.

³ *Кирнек*, ручей, протекающий в долине Барр, *Кракс*, соседняя гора, *Менельштейн*, *Эльсберг* – названия кельтского происхождения. *Труттенхаузен*, местность, расположенная у подножия горы св. Одили, означает *Дом друидов*. Возможно, здесь располагалась одна из коллегий друидов, которая защищала гору и служила богам. Позже, чтобы «очистить» это место, здесь был возведен монастырь, развалины которого видны и поныне.

⁴ Часть горы, где находится *Плато Фей*, до сих пор называется *Эльсберг* (гора Элла).

гда друиды, пришедшие из Бретани с кимрами, занялись религиозным и политическим управлением Галлии, они принесли с собой новых богов и новое тайное учение о развитии жизни, о душе и о будущей жизни. Это учение, близкое мистериям самофракийцев, связано с лунными культами. Только друиды и их ученики были допущены к ним. Что же касается племен, живших в страхе перед могуществом друидов, им дозволялось поклоняться высшим богам. О природе этих богов простым людям не сообщалось. Нет ничего более сомнительного, чем неизвестное. Эти боги обитали лишь на горных вершинах или на диких океанских островах. Гора Белена, таким образом, как ни одна другая подходила для религиозных культов. Здесь проводились большие праздники дни зимнего и летнего солнцестояния, когда светило-победитель начинало подниматься к зениту или, достигнув самой высокой точки на небе, останавливалось, чтобы созерцать свои владения. Огромное количество галлов собиралось с севера и запада. У подножия горы все прибывшие разбивали лагерь. Но толпа допускалась на гору только ночью. Собирались в одной из темных долин. Это место было полно страха перед богами зла и демонами земли. Тут и там в чаще в отблеске света факелов можно было заметить сверкание священного ножа, при помощи которого приносились жертвы. Время от времени до слуха непосвященных доносились крики жертв, притворные или настоящие, и вселяли в них ужас. Но мало-помалу через сосновые заросли, через березняки,

по тропинкам, словно ленточки опоясывавшим гору, добивались до более высоких мест. Наконец добивались до места, посвященного Менелу и залитого лунным светом, где посетители падали ниц перед Сироной, галльской Дианой. После разнообразных торжественных ритуалов, ближе к рассвету, подходили к храму Белена. Но профанам запрещалось проходить внутрь храма под страхом смерти. Все, что они могли сделать, это увидеть самого бога, Солнце, поднимающегося из-за Черного Леса и освещающего первыми лучами круглый храм, состоявший из семи колонн над пропастью.

Священный ужас, который галлы испытывали перед своими богами, защищал гору от любых посягательств со стороны непосвященных. Но были и другие враги: германцы, которые с I в. нашей эры угрожали галлам. Римские историки рассказали нам о блестящем завоевательном походе тевтонов, остановить которых смог только Марий. Они нарисовали нам образ людей гигантского сложения, одетых в звериные шкуры, с головами, украшенными звериными мордами, страшными или странными, или же огромными крыльями птиц, позволявшими им чувствовать себя более устрашающими. Они дали нам возможность услышать «их рычание, подобное рыку хищников». Они показали нам эти народы путешествующими в повозках, с их сокровищами и женщинами, и разлившимся, «словно поднявшееся море». Но это завоевание оказалось не единственным. Было множество до него и после него. Эти орды шли из сердца Германии через

Герценский лес, чтобы опустошать Галлию. Вогезы приняли на себя первый удар завоевания, сокровища храма оказались тем, что смогло привлечь алчность тевтонов. И именно для защиты сокровищ храма друиды повелели возвести огромную стену. Под защитой стены могла расположиться целая армия. Стену атаковали несколько раз, защитники мужественно оборонялись. Немое красноречие этих мест все еще несет следы одной из этих битв, в которой пылкий гений Галлии сражался с германским вторжением, как с разбушевавшимися стихиями: горящие факелы на наиболее высоких пиках – отметки всех племен Востока; гора Белена осаждена тевтонами; ночные атаки; бои в предгорьях на топорах и фремах; укрепление взято, сопротивление подавлено, храм под угрозой; друиды бросаются в бой с зажженными факелами; схватка в самом разгаре, плечом к плечу, среди камней и деревьев, и враг, наконец, отступает по оврагам.



Таран – бог грома (с ритуального серебряного котла)

Более грандиозными, чем праздники солнцестояния, были праздники, посвященные победам. Вновь гора войны стала горой Солнца. Она оцетинилась оружием племен. Первые воины удостоились чести посетить круг огня, который горел в круглом храме на черном камне, упавшем с неба. Возрожденное Солнце обняло храм, леса, горы. Возможно, бард у подножия колонн пел окружающим его воинам свои

гимны, фрагмент которых сохранила для нас ирландская и галльская традиция: «Нетерпеливый огонь факелов рвется в пожирающую скачку! Мы преклоняемся перед ним больше, чем перед землей! Огонь! Огонь! Он стремится в свирепый полет! Он вплетается в песнь барда! Он превосходит все остальные стихии! Он превосходит даже великое Сущее. В войнах он никогда не медлит! Здесь, в твоём святилище, твоя ярость подобна ярости моря; ты поднимаешься – тени отступают! В равноденствия, в солнцестояния, в любое время года я пою тебя, судия огонь, божественный воин, в священном гневе».⁵ – И семь девственниц охраняли огонь, символизируя семь планет. Их одежды были из беленого льна, головы украшали венки из ветвей березы. Они ходили вокруг храма, били в цимбалы и издавали крики радости.

Что осталось от всего этого сегодня? Несколько камней и нерушимая стена. Гора галлов, франков, французов вернулась под власть тевтонов. Здесь и там видны надписи по-немецки, и на языке Тевтобокхуса нам разъясняют, как пройти к *кромлехам, дольменам, камням друидов* и на *Плато фей!* Иногда кажется, что все вокруг, кроме камней, забыло это отдаленное прошлое, но память легенды сохранила все. Она говорит об армиях, закованных в броню огня, сражающихся на этих землях ночами, о феях, *что танцуют в лунном свете среди берез.* Лишь один предрассудок связан с часовней, стоящей на месте храма Белена. Девушки, желаю-

⁵ Песнь Аваона, сына Талиесина, галльского барда («Мивириан»).

щие выйти замуж в этом году, обходят ее три раза. Возможно, это память о культе Солнца и девственницах-хранительницах огня.

II. Эпоха Меровингов. – Легенда о святой Одили

Сон сменился, как сказал Байрон. Для народов, как и для людей, жизнь есть сон, череда картин, сменяющих друг друга и стирающихся из памяти. Время для них – ничего не значащая величина. – Мы находимся во времени Меровингов. Над Эльзасом пронеслось семь столетий. За римлянами последовали варвары. Атилла смел с лица земли примитивные укрепления Страсбурга. В конце концов, франки принесли мир на эти земли. То тут, то там появляются первые следы цивилизации. В лесах, все еще полных дикими зверями, появляются начала городов и деревень. Эти поселения формируются вокруг римских крепостей и ферм, где расположились франкские вожди со своими *дружинами*, состоящими из вооруженных вассалов. После ужасов стольких завоеваний слабые тянутся к сильным, крестьяне – к воинам. Крепостной может считать себя счастливецом, если у него есть хозяин, защищающий его поле от разорения. Феодализм по своей природе есть защита. Что же касается королей из династии Меровингов, которые завоевали Галлию, после ста лет безудержного разврата и бесконечных жестокостей они впали в полнейшее бездействие. Королевство начало разваливаться. Вскоре майордомы, завладев скипетром, приписали последним из Меровингов грехи их предков. Прекрасные

волосы последнего представителя династии, длинные светлые волосы, знак свободы и королевского достоинства, упадут на пол монастыря, на их месте останется тонзура. Франция в современном значении термина только начала формироваться; Германия же – лишь повелительница варваров, ворота для завоевателей, уважающих только меч франков.

Но еще одна битва идет в это время, битва глубинная, скрытая и богатая последствиями. Это битва христианства против варварства. Церковь овладела духом франков и, уверенная в своем интеллектуальном превосходстве, ведет их к великим свершениям. Однако духовное завоевание ведется силами монархии, которая представляет свободную церковь этой эпохи. Просветленные, святые, герои этого времени – Патрик, Колумбан и все ученики св. Бенедикта, которых Италия посылает в Галлию. Этих добрых людей без оружия короли варваров боятся больше, чем самых мощных армий. Это укротители душ и диких зверей. Они проповедуют доброту, милосердие, снисходительность среди дикой ненависти, жестокости и преступлений. И, как ни странно, варвары дрожат, слушают и подчиняются. Именно эта моральная победа христианских чувств над варварством составляет сюжет одной из наиболее красивых и законченных легенд Эльзаса.⁶ Мы перескажем эту легенду со всеми ее прелестя-

⁶ Наиболее древний источник, в котором содержится текст легенды, – манускрипт «Lombardica Historia» («История Ломбардии»). Помимо этого, текст помещен в хронику Шильтера, добавленную к хронике Кенигсховена, и в хронике Герцога. Об изучении сюжета и археологических изысканиях см. книгу Левро

ми и наивной простотой, такой, какой ее можно найти в старых хрониках, и не будем пытаться отделить историю от вымысла.

Во времена короля Хильдерика II, около 670 г., герцогом Эльзаса был Аталърик. Он жил то в своем замке Оберне, то в Альтитоне, римской крепости, выстроенной на вершине горы на месте старого галльского святилища. Этот австразиец, жестокого и грубого нрава, был женат на сестре епископа, благочестивой Бересвинде. Супруги уже долгое время ждали появления наследника, когда герцогиня, наконец, родила слепую девочку. Герцог был столь разгневан, что хотел убить дитя: «Я прекрасно вижу, – сказал он жене, – что я чем-то прогневил Бога, за что он наказал меня позором, которому не подвергался никто из моего рода». «Не печалься, – ответила ему Бересвинда. – Разве ты не знаешь, что Христос сказал о слепом от рождения? Он родился слепым не за грехи его родителей, а для того, чтобы слава Господня явила себя через него». Эти слова не успокоили ярости герцога. Он сказал: «Прикажи, чтобы ребенка убил кто-нибудь из наших людей или чтобы его отослали как можно дальше, чтобы я мог забыть о нем. Если этого не сделаешь ты, я поступлю так, как сочту необходимым». Эти слова наполнили Бересвильду ужасом. Но она доверилась верной служанке. Она передала ей свою слепую дочь и, доверив судьбу младенца Богу,

«Святая Одиль и Гейденмауэр» (Levrault. Sainte-Odile et Heidenmauer. – Colmar, 1855).

умолила бедную женщину тайно отнести дитя в монастырь Жен Мироносиц в Бургундии. Вскоре после этого епископ крестил ребенка, принятого в монастырь. Когда он лил воду крещения на лоб ребенка, девочка вдруг открыла прекрасные глаза цвета аметиста (казалось, она видит нечто чудесное) и посмотрела на епископа, будто узнав его. Слепая от рождения прозрела. Епископ дал девочке имя Одиль и воскликнул с радостью: «Милое дитя, как я хочу увидеться с тобой в жизни вечной!»

В монастыре Жен Мироносиц Одиль воспитали благородные австразийки, предпочитавшие спасение в Боге жестокостям того варварского времени. Она выросла в уединении лесов, в тишине монастыря, как цветок с яркими и сверкающими лепестками. Когда она превратилась в прекрасную девушку, случай открыл ей обстоятельства ее рождения и тайну ее происхождения. Удивленная и пораженная этим открытием, Одиль пожелала немедленно увидеть отца, сжать его в своих объятиях. Ей сказали, что у нее есть брат, пылкий и великодушный. Она решила написать ему письмо с просьбой замолвить за нее слово перед отцом. Прочитав это послание, Гуго исполнился сочувствия и расположения к сестре, о существовании которой не знал и которая взывала к его самым глубоким чувствам и видела в нем защитника. Он попросил отца выслушать ее. Но одно лишь имя Одилы возродило в сердце герцога прежние чувства, и он заставил сына замолчать. Гуго не смутила подобная отповедь, и он приду-

мал план, чтобы его сестра могла вернуться во славе. Втайне он направил ей экипаж, чтобы она могла вернуться в Эльзас. Однажды Атальрик с группой своих вассалов был на террасе Альтитоны, возвышавшейся над глубоким оврагом. На дороге, поднимавшейся к высокой крепости по широкому полукругу, он заметил повозку, влекомую шестеркой лошадей, украшенную ветвями и герцогским знаменем. Он спросил: «Кто это едет с такой торжественностью?» Сын ответил ему: «Это Одиль!» Атальрик, побагровев от гнева, вскричал: «У кого хватило наглости и глупости пригласить ее без моего позволения?» «Господин, – сказал Гуго, – это я, твой сын и твой слуга. Ведь это позор, что моя сестра живет в такой нищете. Я пригласил ее из жалости. Смилуйтесь над Одиль!» При этих словах, которые в глазах самовластного и жестоко-сердного франка были покушением на его власть, он схватил свой железный жезл и ударил сына с такой силой, что тот вскоре умер.



Гора и храм святой Одилы

Постепенно Аталырик, испуганный своим злодеянием, пришел в себя и, в знак доброй воли, призвал дочь к себе. Появились претенденты на ее руку. Но ужас перед жизнью охватил душу Одиль, образ брата, погибшего ради нее, овладел ее разумом. Она отказалась выходить замуж. Эта твердость раздражала франка. Он решил насильно выдать ее замуж за немецкого князя.



Статуя святой Одилы

По наущению матери Одиль ночью сбежала из замка, переодевшись нищенкой. Она перешла равнину, пересекла Рейн в рыбацкой лодке и бежала до гор. Сраженная усталостью, девушка остановилась на ночь в уединенной и дикой

долине в Черном лесу. Когда совсем стемнело, она услышала стук копыт и звон оружия и поняла, что это отец и жёных преследуют ее во главе отряда вассалов. Собрав остатки сил, Одиль решила вскарабкаться на гору и укрыться там. Но, утомленная, она упала к подножию скалы. Охваченная отчаянием, но не потерявшая веры, она воздела руки к небу и возвала к невидимому защитнику, славному царю преследуемых. И вот тяжелые камни отступили, приняли ее в себя и закрылись за ней. Атазьрик звал дочь по имени, обещая ей свободу. Вдруг скала открылась наподобие пещеры и Одиль появилась перед отрядом, пораженным неземным светом, исходившим от девы, и она объявила, что вверяет себя своему небесному покровителю.

С этого дня герцог Эльзаса стал смиренным слугой своей дочери. Он удалился в Оберне, оставив крепость Альтитона Одили. Она основала там бенедиктинский монастырь и стала его настоятельницей. Так вершина горы, бывшая святилищем воинственных галлов, укреплением императора Максимиана и резиденцией рипуарского франка, стала убежищем христианского аскетизма. Одиль в этом всем подавала пример. Она ела только ячменный хлеб и пила воду, постелью ей служила медвежья шкура, а подушкой – камень. Но душа ее была слишком живой, чтобы довольствоваться радостями созерцательной жизни, ее изысканными наслаждениями, где мистика восполняет телесные лишения. Ее собственные страдания сделали Одиль ясновидицей в самом полном

смысле слова. Она потеряла горячо любимого брата, первые мечты своего сердца, но все страдающие стали ее братьями и сестрами. Ее пылкое милосердие распространялось не только на ближних, но на всех людей страны. Она основала больницу в долине, примыкающей к монастырю, чтобы больные могли дышать свежим воздухом и быть ближе к ней. Каждый день Одиль в одеждах из белой шерсти спускалась из Альтитоны через сосновый лес, чтобы нести больным помощь и утешение. Хроники и народная память сохранили рассказы о ее чудесах. Наиболее трогательным из них является чудо, явленное Одилью, когда она встретила пилигрима, умиравшего от жажды. Святая коснулась камня своим посохом. Вдруг из глубоких серых складок камня потекла светлая и свежая вода. Это родник, который находится недалеко от вершины горы. Воде из этого источника приписывают целебные свойства.

И вот Аталърик умер. Одиль почувствовала, что ее отец в чистилище и подвергается там мучениям за свои преступления на земле. Это ее очень опечалило, и, удвоив суровость своей аскезы, она молилась за него годами. Она молилась столь долго и столь горячо, что однажды ночью, ближе к рассвету, она увидела слабый свет в углу своей кельи и услышала громкий голос, который сказал ей: «Одиль, не мучь себя больше из-за отца, ибо Бог всемогущий услышал тебя, и ангелы освободили его душу». В этот момент сестры обнаружили ее погруженной в экстаз и почти без чувств. Они хо-

тели привести ее в чувство, чтобы дать ей Святых даров, но Одиль сказала им: «Не будите меня. Я была так счастлива». И преобращенная, она умерла. Вскоре на вершине горы распространился дивный аромат, более нежный, чем запах лилий и роз, более летучий, чем запах сосновой смолы, разносимый ветром.

Такова легенда, что тысячу лет заставляла рыдать простых жителей Эльзаса. Эльзасские ученые много спорили об источниках легенды и о времени ее появления. Некоторые из них отрицают существование Аталърика и его дочери, приписывая основание монастыря одной из жен Карла Великого. Легенда же была сочинена позже монахом из Эбершлейна. Что же до нашего мнения, нам кажется, что такие благородные и поэтичные образы не могли родиться в народном сознании, если бы не было влиятельного прообраза, оплодотворившего его. Душа народа сначала перерабатывает и переводит на свой язык то, что ее волнует, перенося это нечто из своих глубин. Но деяние предшествует мечте. Деяние – источник всего. В этом рассказе есть наивный символизм, внутренняя патетика, глубинная психология, которые едва намечены, но угадываются. Идея *ясновидящей*, духовных видений, тех, кто видит мир внутренний и духовный, будучи в этом мире, – основная мысль легенды, и она играет здесь разными гранями. Борьба эгоизма, жестокости отца и победоносной чистоты девы, сознательная и мощная, привносятся в легенду глубоко драматический элемент. Наконец, ми-

лосердие, открывающее свои источники в пустыне, безграничное самопожертвование, требующее страдать, чтобы спастись, венчает ее.

Любому, кто поднимется на эту гору, кто посетит *часовню слез* и *часовню ангелов*, кто увидит широкий горизонт и голубоватую дрожащую линию Юры в лучах заходящего солнца, не составит труда поверить в деву времен Меровингов. Ему может даже показаться, что ее душа растворена в этом чистейшем воздухе. И когда он будет спускаться с вершины через сосновый лес, где вытянутые ветви вековых деревьев теряются в голубоватом тумане, как бесконечные нефы, он вдруг поймает себя на мысли, что представляет себе невидимый, но вечный собор, посвященный душам праведников, который был здесь всегда, несмотря на все споры, поскольку держится он на божественном милосердии и бессмертной вере.

III. Эпоха Каролингов. – Легенда о королеве Ришарди

Св. Одиль и королеву Ришарди разделяет не такое уж большое расстояние. Достаточно перейти из одной долины в другую, и мы перенесемся из VI века в век IX. В те времена, когда не было ни железных дорог, ни газет, ни демократии, то есть, того, чем мы гордимся и что подгоняет нас, как поезд, несущийся на всех парах, двести лет с трудом можно приравнять к двадцати годам нашего века. Между тем, мир изменился. Меровингов сменили на троне Каролинги. Великий человек был из их числа. Карл Великий осознал, что есть два пути проникновения цивилизации: латинские легенды и христианство. Он насаждал их в варварском мире силой меча. Следствием союза Карла Великого с церковью стал феодализм. Идея преданности человека человеку, соединившись с идеей мира внутреннего и духовного, породила рыцарство, это удивительное проявление и особую черту народов Севера, кельтов и германцев. Рыцарство – это новая концепция жизни, включающая в себя наиболее возвышенный идеал мужчины и женщины.



Карл Великий

Образ идеального рыцаря, соединяющий в себе великолепную галантность и *служение*, эту изысканную кротость самостоятельной души, еще не сформировался. Чтобы это произошло, потребуется три или четыре столетия. Оказывать почести слабому и служить ему! Очень трудно донести эти идеи до сознания человека, для которого проломить то-

пором череп назойливому соседу – деяние столь же простое, как прихлопнуть муху. Но со времен Каролингов, когда идея крестовых походов уже витает в воздухе и рыцарский идеал зарождается и развивается под покровом диких страстей, и в ожидании момента, когда идеал этот захватит умы трубадуров и труверов, он уже проявляется в легенде.

Но давайте вернемся в ту область Вогезов, которую мы собираемся вскоре покинуть. С вершины Сент-Одиль спустимся в долину Барр и поднимемся через молодой лес на ее другую сторону, к замку Шпесбург. Развалины расположились, подобно орлиному гнезду, над мрачной долиной, и возвышаются над ней. Дикие заросли расходятся, открывая равнину. Хребты, поросшие черными соснами, сменяются холмами, занятыми каштанами и виноградниками. Это долина Андлау. Маленький городок с тем же именем устроился здесь. Чистый и мощный поток, текущий с Хохвальда, пересекает его. Колокольня прекрасной церкви в романском стиле возвышается надо всеми постройками города. Именно здесь покоится королева франков Ришарди, жена одного из последних Каролингов. Кратко напомним ее историю и легенду, связанную с королевой.

Отцом Ришарди был Эршангар, граф Нижнего Эльзаса. Некоторые считают, что по происхождению граф был шотландцем, и это предположение подтверждается нравом его дочери, которой легенда приписывает нрав гордый, независимый и оригинальный, что так свойственно этому наро-

ду. Хронисты наперебой восхваляют ее сияющую красоту, гармоничное сложение и возвышенность духа. Судьба дала этой великолепной женщине очень неудачного мужа. Ришарди вышла замуж за Карла Толстого, которого франки избрали королем Австразии и Нейстрии. Но праправнук Карла Великого не унаследовал ни одной черты характера своего предка. Толстый, тяжелый и скрытный, он был хуже последних Меровингов. Коротко говоря, он был хитер, как лис, а под его слабостью таилась злоба. Если он и выходил из своей обычной апатии, то только в приступе жестокости, потом он снова погружался в сонливость лени и малодушия. Чтобы как-то дополнить его портрет, скажем, что Реньон считает его бессильным. Смущенный превосходством Ришарди, Карл Толстый уступил ей бразды правления, чему он в тайне противился. Королева же, движимая благородным побуждением, пыталась использовать свое влияние на мужа, чтобы спасти державу Карла Великого, отданную интриганам, подвергавшуюся нападениям норманнов и фризов. Следуя своему замыслу, она назначила епископа Версея главным советником королевства. Лиутгард был человеком энергичным и справедливым. Человек мира в церкви, он стал человеком действия на королевской службе. Согласный с мнением королевы, он призвал всех франков на войну и не побоялся отстранить от власти алеманов и швабов, которые пользовались слабостью короля в своих интересах. Они же решили избавиться от королевы.

Во главе заговора встал опытный мошенник из швабов, которого предание называет *Красным Рыцарем*. Однажды, когда он вместе с королем проходил по темной части храма, королева, имевшая обыкновение молиться здесь, встала на колени, когда церковный хор начал петь. Когда она закончила чтение молитв, из алтаря вышел Лиутгард, чтобы причастить королеву. Поднимаясь, Ришарди взяла в руки распятие, которое молодой епископ носил на груди, и пылко поцеловала крест. Увидев это, шваб вскричал: «Вот что они позволяют себе в святом месте! Государь, вы только представьте себе, что они делают без свидетелей!» Удивления и замешательства, разыгранных Красным Рыцарем, и этого таинственного поцелуя, увиденного из полумрака храма, оказалось достаточно для того, чтобы зародить в душе короля самые мрачные подозрения. Он уже долго ненавидел королеву, навязывавшую ему свою волю мягко, но настойчиво. Убедить короля в существовании страсти между королевой и епископом было легким делом. События же в церкви стали последней каплей.



Рыцарь. XIV век

Карл, охваченный гневом, приказал позвать к себе Лиутгарда, осыпал его несправедливыми упреками и выгнал с позором, даже не дав возможности оправдаться. Потом проделал то же со своей женой в присутствии судебной палаты, публично обвинив ее в супружеской измене. Ришарди, возмущенная, но спокойная, предложила проверить ее невиновность с помощью огня. Карл принял предложение, и день испытания был назначен. – Огромная толпа собралась на площади. Король председательствует в трибунале, окруженный представителями высшей франкской аристократии и иерархами церкви. Появилась Ришарди, великолепная, блестящая, в длинной пурпурной накидке, с короной на голове. Она приблизилась к королю и предложила ему свои перчатки. Он схватил их: это означало, что он настаивает на своих обвинениях. После этого Ришарди удалилась и вернулась в белой тунике из провощенного белого шелка, сжимая у сердца крест. Монахи огласили суть дела. Королева бледна, как смерть, но пламя экстаза горит в ее расширившихся и остановившихся глазах. Четыре слуги с зажженными факелами должны поджечь ее платье с четырех сторон. Пламя не занимается, и слуги отступают в страхе. После перед ней рассыпают горячие угли. Она ступает по ним босая, и угли остывают и гаснут под ее ногами. Это чудо толпа встречает радостными криками, и пораженные обвинители бегут. Но Ришарди громким голосом обращается к мужу с такими замечательными словами: «Король Карл, я доказала Вам мою

невинность, пройдя через огонь. Я хочу спасти королевство для Вас, но между нами все кончено. Отныне я принадлежу тому, чья красота удивляет Солнце и звезды и кто оценит мою преданность лучше, чем Вы. Прощайте. Больше Вы меня не увидите. Да простит Вас Господь, как я прощаю моих обвинителей». После этого Ришарди вернулась на родину и основала там монастырь в Андлау. Вскоре франки сместили Карла. Он умер в ссылке и нищете.



Рыцарь

Такова версия предания, принятая в монастыре. Интересно узнать, что воображение народа добавило к церковной легенде. Ришарди, обвиненная мужем в измене, согласно мнению хронистов, которые следуют этой версии, осво-

бодилась от наветов в ходе одного сражения, принявшего, согласно идеологии средневековья, одну из форм *Божьего суда*. Франкский сеньор становится защитником королевы, сражается против клеветника и побеждает его. Белая, как снег, после этого испытания королева вновь становится во главе королевства, призывает защитника к себе и назначает своим рыцарем. Плохие советники не считают себя побежденными. Они надеются, что Карл Толстый, вновь подпавший под их влияние, обвинит королеву и ее рыцаря в преступной страсти. Ришарди, едва оправившаяся от этого потрясения, была подвергнута испытанию огнем, скорее чтобы вновь спасти жизнь любимшему ее человеку, чем чтобы оправдаться. Преодолев огонь, она разом отказалась от трона и от мира. И, обращаясь к своему рыцарю, она просит найти ей убежище в самом диком месте гор. Рыцарь двинулся в путь к горам. Он входит в густой лес, где тогда водились стада зубров и стаи волков. Измученный и усталый, он останавливается в затерянной долине, где видит медведицу с медвежатами, пьющими воду из источника. «Вот, – подумал он, – место, достойное уединения моей королевы». Именно там, в долине Андлау, Ришарди повелела построить свое убежище, именно здесь возникли церковь и монастырь Андлау. Рыцарь стал защитником монастыря. Он был прародителем сеньоров Андлау, на гербе которых красный крест в золотом поле, увенчанный шлемом с диадемой. Память об этой легенде сохранилась благодаря величественной статуе, которая

украшает источник Андлау и представляет собой медведя, смиренно спрятавшегося у ног королевы франков.⁷

⁷ Версии легенды о Ришарди церковного происхождения собраны в монографии Шарля Деарпа «Св. Ришарди, ее монастырь в Андлау, ее церковь и крипта» (Charles Deharpe. Sainte Richarde, son abbaye d'Andlau, son église et sa crypte. – Paris, typographie Renou, 1874). Специалисты-историки найдут, к чему придраться в этой работе, но в ней собраны наиболее интересные документы по данной теме. Благодаря стараниям и заботам того же аббата Деарпа восстановлена замечательная статуя Ришарди в славе, которая украшает источник в Андлау. На пьедестале расположены два рельефа с изображением арфы. Смиренный монах, посвятивший свою жизнь прославлению святой, не пожелал, чтобы на памятнике было его имя. Все, что он себе позволил, это изображение *двух арф* (*deux harpes*), поскольку звучание этого словосочетания напоминает его имя, Деарп. Невинная игра слов подчеркивает одновременно скромность человека, возвратившего имя Ришарди, и его чувства по отношению к ней.



Рыцари (ростись из замка Нойшванштайн)

Вот что еще народное воображение изменило в аскетической легенде, согласно пристрастиям своей наивной души. Место епископа занял рыцарь, и любовь была увидена там, где монашеский дух видел только отказ от мирской жизни: прекрасная мечта, подобная ароматной розе, засохшей между пыльными и пожелтевшими листьями хроники. Рыцарь остался без имени, внешность его также не описана. Он предстает перед нами как участник рыцарского турнира, узнать которого можно только по его храбрости и удару. Это наводит нас на некоторые размышления общего характера относительно судьбы рыцарственности. Революция в понимании любви, свершенная рыцарством, нашла свое несовершенное отражение в литературе. Рыцарство представило культ возвышенного чувства в соединении с утонченной мистикой души и мысли. Оно верило в доблесть сердца, воспламененного красотой; оно мечтало о женщине, способной вызвать подобную любовь. Легенда о Ришарди рисует нам это чувство во всей его целомудренности и простой глубине. Но это дерево расцвело слишком рано и не смогло дать плодов. Средние века придумали идеал, который не смогли выразить поэтическими средствами. Слащавость трубадуров и надоедливые длинноты труверов сделали простой образ рыцаря приторным, а фэблию жестоко осмеяли. Рыцарство умерло, но рыцарственность выжила, став частью современного со-

знания. Она возрождается каждый раз в самых неожиданных формах, когда положение женщины изменяется в лучшую сторону. В обществе женщине отведена самая замечательная роль. Странно и смешно, когда женщина принимает черты мужчины и отказывается от природного обаяния, со времен античности бывшего ее главной принадлежностью, но она может подняться до положения вдохновительницы, если останется верной своим высшим качествам. Будущее позволяет нам надеяться на это, пока же мы думаем о прошлом. Франция породила трех великих женщин – Элоизу, Жанну д'Арк и мадам Ролан, героинь любви, родины и свободы. Пусть они возродятся в других и, несмотря на скепсис нашего времени, пусть найдутся их рыцари. В ожидании этого да будет нам позволено оказать почтение Ришарди, благородной королеве Франции, которая, склонясь над источником, кажется, думает «о сладких землях Франции» в своей вечной ссылке.

IV. Собор Страсбурга и его легенды

С башни Андлау, где мы сейчас находимся, посмотрите на точку, блестящую вдали, в долине Рейна. Это шпиль Страсбурга. Нас призывает старинный собор, поскольку у него тоже есть легенда, неразрывно связанная с историей древнего средневекового вольного города.



Страсбург с видом на собор (современный вид)

Возможно, следует вырасти в тени огромного здания, чтобы полностью отдавать себе отчет в том, с каким огром-

ным периодом истории связано оно и какое время окаменело в нем. Следует увидеть бесконечные поколения голубей, облюбовавших плечи дев праведных и неправедных, своды порталов. Надо замереть в экстазе перед огромными курантами работы Швильге, где апостолы проходят перед Христом, а петух поет в полдень. Следует узнать в каменных статуях, громоздящихся друг над другом на фасаде, изваяния императоров и королей, чтобы потом понять, что они существовали на самом деле. Следует побродить по крыше собора, среди фантастических существ – горгулий – и ангелов пинаклей, а потом внезапно посмотреть через слуховое оконце в темный неф, где сверкает большая роза. Следует взлететь над Эльзасом на головокружительной высоте с одной из четырех башен в то время, как шпили содрогаются от ударов колокола, а потом уснуть вечером на том же колоколе, меланхоличном и патриархальном. Следует проделать все это, чтобы понять, что этот собор одновременно мир и символ мира, народ и человек.



Страсбургский собор

Собор возвышается над остроконечными крышами домов, подобно огромному острову, а остальные церкви города смотрятся карликами рядом с ним. Здание возводили в течение нескольких веков, сменилось три или четыре архитектурных стиля, и все они отразились в убранстве собора, от крипты времен Карла Великого, через византийские аркады южного трансепта к готической перегруженности деталями северного трансепта. Фасад XIII в. – шедевр готического искусства. Если смотреть на собор с площади Гутен-

берга, он подавляет своей высотой, восхищает богатством. Чтобы лучше понять значение этой великой страницы в истории архитектуры, следует сравнить собор Страсбурга с собором Парижской Богоматери. Храм французской монархии – верх эlegantности и сдержанности. Три этажа дополняют друг друга, разделенные горизонтальными полосами. Это гармония, это совершенная мудрость. Но здесь мало порыва, мало стремящегося вверх движения. Взгляните на фасад собора Страсбурга хорошим летним вечером, когда заходящее солнце окрашивает в красноватые тона полированный песчаник. Между трех колонн, которые в едином порыве достигают платформы, каменное кружево рассыпается богатыми зарослями. Какая сила изображения, какое мастерство! Совершенство трех порталов, порыв пилястр, устремленных к капителям, шатры и множество стрельчатых арок. Арки над арками, колонны над колоннами, все стремится к небу, все пламенеет, все цветет. В центре парит роза, пылкое сердце этого каменного леса. Надо всем этим царит шпиль, подобный лилии.

Интерьер собора по-особому темен и полон мистики. В полумраке с трудом угадываются огромные колонны с искусно выполненными каннелюрами, которые поднимаются, соединяясь с нервюрами свода. Здесь царят витражи. Именно они превращают собор в христианские небеса. Огромные оконные проемы, в которые помещены витражи, подобны глазам, смотрящим в другой мир. Или же через эти отвер-

стия иной мир посылает в святилище отражения своих лазури и огня. Есть очень немного соборов, в которых символизм католической церкви был бы представлен так широко. История церковная и история светская как истории королей, стоящих в арках, разворачиваются перед глазами зрителей на сводах боковых нефов. Выше, под окнами центрального нефа, сияют христианские добродетели, святые, девы с копьями и зажженными факелами. Это церковь торжествующая и церковь воинствующая. Наконец, гигантская роза фасада освещает собор всеми цветами радуги. Это мистическая роза, символ вечности.

Сегодня нам не дано понять, каких усилий потребовало возведение этого здания: в течение веков вся страна трудилась над его строительством. Легенда сохранила для нас память о 1275 г., когда епископ Конрад Лихтемберг приказал начать строительство фасада. Деньги и рабочие руки он получил при помощи индульгенций. За монетку, внесенную в кассу Богоматери, или камень для собора получали полное отпущение грехов. Как же быстро пошло дело! Тех, кто мог предложить только свои руки, приспособливали на тяжелые работы. Это был восторг, жажда деятельности. Все эти годы не иссякал поток повозок, груженных камнем из карьеров Васселон. На месте строительства фанатичные проповеди смешиваются со скрипом лебедок, с ржанием лошадей. Сотни человек напрягаются, кричат и хрипят под тяжестью камня. Но собор растет, и епископ может сравнить его

с «майским цветком, который тянется к небу, всегда выше, всегда прекраснее».

Что стало с ними, камнетесами, подмастерьями, разнорабочими, каменщиками, многочисленными мастерами, трудившимися над созданием этого чуда? Нам достались лишь уставы их корпораций, чья иерархичность и символизм послужили примером для масонов. Их конфликты, их соперничество растворились в огромном здании, где демоны побеждены ангелами. Эти архитекторы и скульпторы завещали нам только свою великую историю в камне. Если мы захотим узнать что-нибудь об их жизни, их судьбе, их чувствах, все они ответят нам словами, начертанными на надгробном камне в соборе: «Если ты спросишь меня, кто я, я тебе отвечу: Тень и прах». Уцелело несколько имен, но это только имена. Легенда позабыла обо всех, затерявшихся в пыли веков, где спит мимолетная слава, сохранив лишь имя властелина, который задумал «славный фасад», и прославив в нем главную мысль работы. Согласно кельнской легенде, собор этого города был построен при помощи дьявола, которого хитрый архитектор, в конце концов, лишил заработанного. Легенда Страсбурга показывает нам мастера Эрве держащим план постройки перед собой и созерцающим еще незаконченный фасад. Злой дух желает овладеть им и предлагает завершить все работы в мгновение ока. Эрве отказывается и, веря в Бога, взывает к нему. Вскоре появляется ангел Господень, и по его знаку собор сам собой достраивается и к небу

поднимается его воздушный шпиль. Эта легенда прославила в Эрве мастера, способного на дерзкие мечты и точный расчет. В нем воплотился образ строителя, который смело работает над бесконечным *творением* и, не надеясь увидеть его завершенным, вверяется божественной справедливости.

Нельзя говорить об Эрве, не сказав ни слова о его легендарной дочери Сабине. Недавняя легенда приписывает ей самые красивые статуи и колонну ангелов, что украшают внутри и снаружи южный трансепт. Рассмотрите, например, две стройные фигуры, украшающие вход в романский портал: одна из них представляет Ветхий Завет, а другая – Новый. Первая держит разбитый штандарт Карла Великого и склоняет голову в печали. И действительно, говорят, что только рука женщины могла создать столь живой образ глубокой печали. Но тут мы вспоминаем, что портал и статуи выполнены в ином, более позднем стиле, чем сам фасад, следовательно, дочь Эрве не могла быть их создательницей. – Кажется, что легенда о Сабине основана на надписи, найденной на постаменте одной из скульптур. Там написано: «Да хранит Господь Сабину, благодаря кому из твердого камня я стала статуей». Из этой надписи сделали вывод, что была некая ваятельница, а поскольку скульптура считается дочерью архитектуры, ее сделали дочерью Эрве. – Нет ничего более сложного, чем уничтожить легенду. Невзирая ни на что ужасные ученые сделали вывод, что Сабина могла быть как скульптором, так и дарительницей. И вот Сабина в мгнове-

ние ока растворяется, возвращаясь в камень, откуда она вышла. К счастью, легенды не прислушиваются к мнению ученых. У легенды есть свои причины верить, свои документы, своя логика. О Сабине написано множество романов разного сорта, которые позволяют выявить глубинные идеи народа. Эльзасская душа мечтала о трудолюбивой девушке, погруженной в свой мир камня, сделавшей свой последний вздох у подножия статуй, которым она передала все лучшее качества души и которым она посвятила лучшие годы жизни. У Эльзаса нет ни блестящего гения Франции, ни утонченной метафизики народа, породившего Гегеля и Шиллера, но есть гений пластики, сила и упорство в труде, настойчивость, переходящая в страсть, верность привязанностям души и однажды избранному идеалу, несмотря на все испытания. Вот почему гордая и очаровательная тень, вышедшая из камня, никогда не умрет. Она покоряет воображение, и ее статуя возвышается сейчас в южном портале. Не пытайтесь убедить нас в том, что колонну ангелов делал кто-то другой, а не дочь Эрве. Многие девушки Эльзаса узнают себя в Сабине, которая работала и верила, без сомнения, в свою судьбу. Она жила и будет жить, пока стоит собор.



Скульптуры XIII века, изображающие добродетели

(Страсбургский собор)

Настало время посмотреть на старый город, расстилающийся вокруг собора, и припомнить наиболее характерные эпизоды из его истории. Известно, что Страсбург издавна был одним из вольных городов, наиболее процветающим и ревнивее остальных следившим за своими свободами. Хартия коммуны 980 г. начинается такими словами: «Сообщество было основано с той благородной целью, чтобы любой человек, будь то местный или пришлец, нашел здесь мир в любое время и ото всех». Этот принцип независимости оставался веками духом города. Но, чтобы поддержать его, потребовалась не одна война с князьями Германии и Бургундии, с сеньорами и князьками Эльзаса, которые из своих логов, расположенных в Вогезах, завидовали процветанию города. Наиболее яркая из этих побед была одержана городом в 1262 г. над епископом Герольдсекком, она знаменует получение городом полной независимости и всех муниципальных свобод. До этого времени город находился под покровительством епископов, и жители надеялись, что духовный сан их покровителя подразумевает кротость и справедливость. Однажды епископом стал мелкий помещик, и началась борьба.

Вальтер Герольдсек был молодым сеньором, кичливым и деспотичным, его гордыня не знала пределов. Едва посвященный в епископский сан архиепископом Майнца, он организовал свой торжественный въезд в город. Это был не епископ, вступавший в управление назначенным ему диоцезом,

а властитель, возвращающийся в свою столицу. Перед ним шагали герольды, на груди которых красовался герб Герольдсека, объединенный с гербом города в одной из четвертей, что задело за живое жителей Страсбурга. За герольдами следовал сам епископ на великолепной белой лошади, из-под его епископской мантии проглядывали доспехи. За ним толпились все дворяне Эльзаса. У каждого сеньора был щитоносец и паж, который нес его стяг. Никто со времен Карла Великого не въезжал в город с такой помпой. Разместившись в ратуше, Вальтер решил восстановить дорожную пошлину и обложил горожан налогами. Магистраты тщетно пытались объяснить ему, что это было против вольностей и свобод города. Епископ пригрозил городу интердиктом. Когда магистраты сообщили эту новость людям, поднялся крик: «В арсенал!» Горожане взялись за оружие, ремесленные корпорации создали отряды милиции, женщины ударили в набат. Во имя своих свобод, во имя своих законов все жители Страсбурга поднялись и объявили, что они не принимают такого господина. Епископ был вынужден бежать. Вернувшись в свой замок, он наложил на город интердикт и, сменив митру на шлем, призвал всех дворян Эльзаса к войне против взбунтовавшихся бюргеров. Война закончилась славной битвой у Хаусбергена, где армия бондарей, кузнецов, кожевников и плотников обратила в бегство рыцарей, закованных в латы. Пленников привели в город. Их руки были связаны за спиной теми веревками, которые они взяли утром, чтобы, как

они говорили, «вязать мужланов Страсбурга». Вальтер сражался в первом отряде. Под ним убили трех лошадей, сам же он умер от печали, когда битва была проиграна. Вот так Страсбург завоевал свою свободу.

Чувства достоинства, независимости и братства, развившиеся в маленькой республике Страсбурга благодаря конституции и мудрости магистратов, стали причиной того, что характер горожан получился особый. Визит представителей Цюриха в 1576 г. позволил проявиться этим особенностям особенно ярко. Жители Цюриха, чтобы доказать свою дружбу и преданность Страсбургу, обещали преподнести горожанам подарок нового вида. Был снаряжен корабль, на нем расположились главные магистраты города, и, при помощи весел, через Лимматт и Рейн, делегация достигла Страсбурга. Когда гости из Цюриха сошли на берег в Страсбурге, они показали удивленным хозяевам свой подарок: кастрюлю, где все еще кипело какое-то варево. Жители Страсбурга удивились: как, такое путешествие только из-за кастрюли какого-то варева? Пятьдесят лье ради каши из проса! Но смешки прекратились, когда старый магистр сопроводил подарок такими поистине историческими словами: «Это, – сказал он, – лишь символ. Если когда-нибудь, да не допустит Господь этого, Страсбург окажется в затруднении, жители Цюриха придут на помощь так быстро, что даже тарелка каши не успеет остыть».⁸

⁸ Обязательно посмотрите рассказ об этом путешествии в интереснейшем труде

Кто бы мог подумать, что эти слова придется проверить через три столетия и что эта веселая сцена повторится, на этот раз трагедией? Все помнят события войны 1870 г., когда во время осады Страсбурга немецкими войсками группа посланцев из Швейцарии, возглавленная представителями Цюриха, проникла в город и заставила прекратить обстрел города, чтобы оказать помощь и поддержку осажденным. Они не смогли спасти город-побратим, который Пруссия не пощадила, но хотя бы перевязали раненых и принесли осажденным то, в чем те нуждались больше всего: новости из Франции. Увы! Известия были неутешительными. Великая новость, которой осажденные еще не знали, называлась Седан. Весть о падении Седана потрясла Эльзас до глубины души, но не заставила сомневаться в Родине. Если в Эльзасе когда-либо чувствовали духовную связь с Францией, это было в дни великих бедствий. Разве бедствия, пережитые вместе, не связывают людей и народы сильнее, чем радости? Так говорят. Ибо и после этого Эльзас не переставал посылать во Францию знаки своей нерушимой преданности. Швейцария с пониманием отнеслась к этим чувствам и подтвердила старинную дружбу своей глубокой симпатией. Французский Эльзас не забудет этого никогда.



Интерьер Страсбургского собора

Раз уж мы обратились к недавним событиям, нельзя расстаться с собором без рассказа об осаде, которая уже стала частью его легенды. Новейшая история приобретает здесь фантастические оттенки. Вот как французский солдат, капитан корабля Дюпети-Туар, рассказывает о первой ночи бомбардировки города. «Вечером 18 августа я, как всегда, отправился в Контад. Ночь выдалась темная, и мы ждали, глядя во все глаза на темные массы зелени. Вдруг горизонт осветился, и на город посыпался град снарядов, пролетая прямо над нашими головами. Они падали со всех сторон, а расстояние до батарей было таким, что мы видели только отблеск выстрела. По времени, которое проходило между выстрелом и падением снаряда, мы рассчитали, что расстояние от батарей до города было около трех километров. В тишине послышался низкий гул, который надвигался на город, охваченный мраком. Потом появились огоньки, потом повсюду занялся пожар. Потом шпиль собора, отбрасывавший странные отблески, запылал, и, перекрывая грохот артиллерии, треск пожара, послышались высокие голоса детей. Чтобы ускорить капитуляцию города и заставить мирное население оказать давление на военное командование, немцы начали то, что они сами называли „кровавый танец“». Известно, как страсбургцы ответили на этот вызов. Послушаем теперь, как прусский офицер спустя восемь дней описывает происходившее вне города, когда бомбардировка достигла своего апогея: «Длинные улицы из конца в конец были охвачены

огнем. Зарницы озаряли небо. Я находился на батарее у городка Хаусберген. Снаряды с фитилями летали, как кометы. Бомбы, рассеянные среди них, отбрасывали слабый свет и чертили в небе дуги, а потом тяжело падали на улицы и крыши. Все прусские и баварские батареи расположились вокруг города. Они стреляли разом, и грохот стоял такой, что земля ощутимо дрожала у нас под ногами. Со всех валов яростно отвечали на наш огонь. Над Страсбургом поднималось зарево. С чисто военной точки зрения, события этой ночи представляют несомненный интерес. Что же до осады, бомбардировка нам совершенно не помогла, как это со всей отчетливостью показали дальнейшие события».⁹

Вот два исторических документа о тех легендарных ночах. Но это не все. Однажды послышался зловещий крик: «Собор горит!» И в самом деле, горела крыша нефа, и огонь подбирался к основанию башни, не в силах до нее дотянуться. Видя такое, кто не вспомнит древнюю легенду? Рассказывают, что в ночь св. Жана, когда зимние ночи особенно длинны, старые строители собора шевелятся под своими могильными плитами. Потом выходят из могил главные архитекторы, держа в руках компас и магистерский жезл, потом лучшие камнетесы с веревками, потом скульпторы и мастера витра-

⁹ Юлиус фон Викаде «История войны Германии с Францией» (Julius von Wickede. Geschichte des Krieges von Deutschland gegen Frankreich). Этот и предшествующий рассказы позаимствованы из «Дневника осады общества для воссоединения жителей и бывших офицеров» (Journal du siège par une réunion d'habitants et d'anciens officiers. – Fishcbacher, 1874).

жей. Все собираются под сводом главного нефа, здороваются, узнавая друг друга, пожимают руки. Они мечутся и шепчут, как тысячи листьев, соприкасающиеся друг с другом. По лестницам и галереям величественная процессия движется к башне. Дева в белом платье, держащая резец в левой руке и молоток в правой, возглавляет шествие. Это ваятельница Сабина. Она поднимается до самого шпиля и танцует в серебряном свете луны. Через час эти тени людей рассеиваются, как листья, унесенные порывом ветра. Ах, старые, забытые тени, наивные художники, полные энтузиазма, что сказали бы вы пламени этого пожара, видя, как от немецких снарядов гибнет собор, ваше творение? Что бы вы ответили, если бы слышали крики детей Страсбурга? Любому эльзасцу ответ известен заранее. Вы сказали бы: «Мы с вами, потомки!»

V. Крестьянская война. – Колдуны и проповедники

Как немецкий Эльзас средних веков стал французским времен революции? Мы не сможем понять глубинной энергии данного превращения, если не примем в расчет внутренней эволюции, предшествовавшей этому процессу. Именно эпоха Реформации, история Эльзаса XVI в. даст нам возможность разобраться в произошедшей перемене. Скрытый огонь, сделавший возможным взрыв 1789 г. и, как следствие этого, слияние с Францией, загорелся именно в это время.

Чтобы разобраться в произошедшем, нам достаточно кратко коснуться событий этой эпохи. И мы не расстанемся с направляющей рукой легенды, равно посещающей одинокие вершины гор и населенные города, большие дороги и тайные тропы. В этот беспокойный XVI век у легенды появляются три новых действующих лица, внезапно уводящих нас от основных сюжетов идеалистического искусства предшествующей эпохи к нервным формам современного реализма. Эти новые герои легенд – бунтующий крестьянин, колдун и свободный проповедник.

До тех пор, пока феодализм был воинственным, то обороняясь, то нападая, он возвышал души, придавал обществу новые формы. Но учреждения, созданные человеком, быстро теряют из виду свои идеалы и портятся под действием

страстей. Золотой век рыцарства прошел. Жизнь немецких сеньоров к концу XV в., как и почти везде в Европе, определялась безудержной страстью, безжалостным деспотизмом. Их дни проходили в турнирах и застольях, карнавалах и маскарадах. Как только наступал перерыв в сезоне охот, они искали повод для войны с соседом. Чтобы платить своим шутам и одаривать женщин, они становились фальшивомонетчиками или разбойниками. Замки в Вогезах, эти неприступные логова, изобиловали певцами и льстецами. Ночью и днем оттуда были слышны звуки дудок и крики сокольников, тренирующих птиц. Как сообщает современник, «хмель справлял свои именины каждый день, а вопли – каждый второй». И кто за все это платил? Бедный крепостной, несчастный крестьянин. Тощий и жалкий, придавленный налогами, он тихо умирал на своем клочке земли, в то время как ад торжествовал на горе. Чтобы вытрясти из крестьянина последние гроши, его травили собаками, как дикого зверя, его худую спину осыпали плеточными ударами. Вводили жестокие законы против браконьерства в охотничьих угодьях феодала. В подземной тюрьме одного из замков нашли человеческий скелет в окружении оленьих рогов и клыков кабана. Иногда заключенные умирали от голода и жажды в своих узилищах. Крестьянка, пришедшая в ночи к донжону, могла слышать хрипы умирающего, полные ненависти к мучителям.

Начиная с XV в. против подобного положения вещей в Вюртемберге сложился тайный союз, и вскоре о нем загово-

рили в соседних землях. Это было настоящее тайное общество крестьян, превратившееся в *братство бедного Конрада*. Члены общества собирались в лесах по ночам. У братства были свои церемонии, странные и полные печальной иронии. Глава общества встречал новичков рукопожатием и предлагал им разделить владения братства *на луне*, поля и виноградники в лесу *великой нехватки*, отдых на *горе голода*, трапезу в *долине милостыни* и аренду замка *Нигдеи*. У братства было свое тайное знамя, на котором в голубом поле изображался бедный Конрад, стоящий на коленях перед распятием. В 1514 г. был введен общий налог на продукты сельского хозяйства. Глава братства бедного Конрада созвал собрание в поле. Он нарисовал лопатой круг и сказал: «Меня зовут бедный Конрад, таковым я и останусь. Кто не хочет отдавать злодеям свой последний грош, становись со мной в круг». Вскоре знамена братства взвились над городами, а сеньорам направили письменные прошения. Феодалы пытались разобщить братство, прибегали к угрозам и пыткам. Ничего не помогало. Евангелические и реформационные идеи поддерживали смелость бедного Конрада. Он слышал от проповедников, что дети одного отца не могут быть рабами своих братьев, и эта проповедь была ему ближе, чем речи на латыни, произносимые в церкви. Он написал двенадцать статей, первая из которых провозглашала отмену крепостного права. Сеньоры не приняли статей. Тогда бунт стал всеобщим. Бедный Конрад нашел свой символ: крестьян-

ский башмак. Этот башмак, поднятый на шесте, стал символом войны с сеньорами. Крепостной, ставший человеком, воскликнул: «Один башмак – чтобы избавиться от повинностей, другой башмак – чтобы дойти до края мира. Латы вместо плуга, меч вместо цепей!» Вскоре запылали монастыри, замки, церкви. В Эльзасе это грандиозное восстание закончилось резней. Сеньоры утопили бунт в крови. Но память народа никогда не забудет героический образ крестьянина, начертавшего на своем знамени: «Пусть тот, кто хочет быть свободным, следует за лучом солнца!»

Если восстание бедного Конрада было бунтом против сеньора, колдовство было бунтом против священника. Церковь была проводником цивилизации и культуры, пока боролась с проявлениями варварства милосердием и возвышенной верой. Она стала угнетателем, когда забыла о своем предназначении нести христианские добродетели и начала править, презрев законы природы. Церковь завоевала весь мир кротостью и самоотречением. В XVI в. их сменили террор и испорченность. Чтобы крепче держать паству в узде, больше говорили о Сатане и меньше – о Боге. Колдун, бросающийся в объятия Дьявола, – порождение самой церкви. В колдуне пробуждаются с неистовством два инстинкта Евы: чувственность и любопытство. Человек может усмирить эти порывы, но не избавиться от них. Представители церкви присвоили себе право на владение телом и духом, отказав в этом пастве. Они отняли ключи от мира земного и

духовного. Именно поэтому колдуны, собирающиеся на шабашах, проклинаят Бога и продаются Дьяволу. В смертельной схватке между колдуном и инквизитором победа очень часто оказывается на стороне первого, ибо даже на костре он славит Дьявола, своего хозяина. В Эльзасе пылало особенно много костров, на которых сжигали колдунов, а воспоминания об оргиях шабашей связаны с множеством горных вершин. Помимо народных легенд, сохранились акты бесчисленных процессов над колдунами, рассказывающие об обручении и браке с дьяволом, о полетах в воздухе на метле, вилах или вязанке дров, бесчинствах черной мессы и иступлении пляски смерти. Здесь, как и во многих случаях, практически невозможно отличить правду от вымысла.¹⁰ Но есть свидетельства об особых качествах именно эльзасских колдунов, в которых нельзя сомневаться. Это их особенная стойкость в пытках и преданность Сатане. Не будем винить их в этом, ибо природа народа сохраняется как в добром, так и в злом. Тем же, кто из этих фактов захочет сделать нелюбопытные выводы о характере эльзасцев, мы ответим словами Ларошфуко: «Никто по-настоящему не хорош, если его не принуждают быть плохим».

Ни бедный крестьянин, ни несчастный колдун не могли создать нового миропорядка. Каким бы справедливым ни

¹⁰ Обязательно посмотрите блестящую монографию Рудольфа Рейса «Колдовство в Эльзасе в XVI и XVII вв.» (Rodolf Reuss. La Sorcellerie en Alsace au XVI et au XVII siècles. – Paris, Fischbacher).

был бунт, его порождали насилие и дикие инстинкты. Единственная сила, способная преуспеть в деле изменения мира, – это сознание, поскольку именно оно озаряет светом все деяния человека и изменяет облик человечества. Реформация была именно этой сознательной силой. Главной идеей реформы церкви было восстановление изначальных принципов христианства. Движение за реформу церкви существует столько же, сколько и сам институт, и аналоги подобных течений мы с легкостью обнаружим в любой религии идеалистического толка. Это всегда движение от внешнего к внутреннему, от мертвых действий к живой вере, от господства формализма к свободе чувств, от мертвого завета слова к вечному завету духа. Иоахим Флорский подобен апостолу Павлу, Лютеру и Яну Гусу. Все они стремятся к Христу. Наиболее смелое высказывание Лютера звучит так: «Всякий христианин свободен. Все христиане – священники царского рода. Все имеют право и обязаны трудиться на благо общества». Это изречение намного превосходит все его труды. Лютер обладал сильным характером, но был сыном своего времени, практичным и несколько ограниченным духовно. Тем не менее, он оказался способен создать новую церковь. Однако раскрепощенный дух пронесся, как ураган. Германию заполонили разнообразные секты и провидцы, хваставшиеся своими прозрениями, вознесением и видениями. Дети и женщины проповедовали, сотрясаемые конвульсиями экстаза, некоторых из них обожествляли. Обес-

покоенный Лютер их принял, увещевал, требовал от них чуда. Они же ответили ему: «Чтобы доказать тебе наше божественное предназначение, мы скажем тебе, о чем ты сейчас думаешь. Ты чувствуешь к нам необъяснимое расположение и даже готов оправдать наши действия». Это было истинной правдой, и Лютер был настолько испуган, что объявил этих людей одержимыми демонами и сатанинскими силами. Но идеи развивались по своим собственным законам, и реформа церкви проповедовалась разными методами. В это время вольные проповедники появились в Эльзасе. Они принадлежали ко всем слоям общества. Среди них были монахи-расстриги, ученые, утомленные латынью, дворяне и бродяги. Эти вдохновенные проповедники ходили из селения в селение, из княжества в княжество как апостолы, уча под открытым небом, под старой липой, на опушке леса. Представьте себе одного из таких учителей, стоящего под огромным деревом на равнине: глаза его горят, жесты его резки, одежда покрыта пылью пройденных дорог. Вокруг него – толпа крестьян, привлеченная апостольскими идеями; их лица бледны, глаза сверкают. Одни из них так привыкли к рабству, что слушают, застыв в поклоне; другие же, мускулистые, полные отваги, внимают проповеднику, сжав кулаки. Он говорит: «Я хочу, вместе с величайшим защитником Христа Яном Гусом, наполнить звонкие трубы новой песней». Эти речи заканчивались пролитием крови крестьян. Но труба пропела. Два века спустя другая труба пропела с западной стороны

Вогезов. На этот раз ее зову внимал весь Эльзас.

VI. Революция. – Роже де Лиль. – Клебер

Если обратиться к истокам французской революции, к самым бескорыстным ее участникам, пробиться сквозь заблуждения страстей, то волшебник, способный слышать мысли, мог бы заговорить с душой французского народа в 1789 г. и спросить ее, что она любит, в чем уверена, чего хочет, душа, несомненно, ответила бы: «Родины для правосудия и человечности для родины». Короли создали Францию, поэтому тысячу лет идея родины ассоциировалась с идеей королевской власти. Великая перемена, произошедшая в сознании нации в течение XVIII в., заключалась в том, что идея родины стала связываться не с личностью короля, а с комплексом принципов, идеалом справедливости и свободы. Если мы, обратившись к самосознанию эльзасцев, спросим себя, что же было такого, что противопоставлялось вплоть до 1870 г. всем попыткам немецкого завоевания этой территории, то обнаружим, что это была новая идея родины, проникающая в самое существо эльзасцев. Присоединим к этому рыцарственные чувства народа, наследие древних героев, которые всегда брали в свои руки дела слабых и притесняемых с опасной неосторожностью и героической щедростью, и мы определим в нескольких словах ту нерушимую связь, что объединяет душу Эльзаса и душу Франции.

Страсти и интересы правят миром в эпохи спокойствия. В часы великих исторических свершений идеи и чувства берут верх и неотвратимо влекут человека к великой цели. Такой час настал для Франции, когда после взятия Бастилии грандиозное движение федераций всколыхнуло всю страну. Это был час чистоты и иллюзий, мечты о братстве. Иллюзия, тем не менее, была благотворной, ибо именно она создала родину для нас всех. В феодальных государствах человек чувствует себя комком земли на родной грядке. Он принадлежит замку или церкви, он пленник своего города, своей провинции. Вдруг он поднял голову и за стенами, окружающими Бастилию, в первый раз увидел Францию. Человек протянул руку человеку, провинция – провинции. Всюду – за городскими стенами, на берегах рек, под открытым небом – толпы, украшенные цветами, спешат приветствовать эту Францию на алтарях из травы. Хватит провинции, да здравствует Франция! Это клич Дофине. Он проносится от Бретани до Лангедока, от Роны до Рейна. Эльзас отвечает на него с энтузиазмом, и его ответ докажет, что в современном мире гражданство – дело свободного выбора, этический принцип, перевешивающий неизбежность лингвистики и традиций. Как и все провинции Франции, Эльзас пострадал от революционных бурь, но он вышел из них наиболее преданным Франции, чем какая-либо иная провинция востока и севера страны. Среди событий этого времени, оставивших заметный след в памяти эльзасцев, на первое место, безуслов-

но, следует поставить историю создания *Марсельезы*, первого трубного призыва на защиту Отечества, прозвучавшего накануне великих войн, которым суждено было длиться более двадцати лет. Напомним лишь основные эпизоды этого события.

Весной 1792 г. Эльзас находился в состоянии обороны, руководимый приказами маршала Люкнера. Война с Австрией была неизбежной. Страсбург был охвачен патриотическим подъемом. Под руководством мэра города, Дитриха, там создавались отряды добровольцев. Дитрих был одним из тех преданных, убежденных и самоотверженных магистратов, именами которых полна история Страсбурга. Покровитель наук и искусств, блестящий оратор, он представлял собой превосходный образец человека XVIII столетия. Его салон можно по праву назвать клубом эльзасских патриотов. 24 апреля была объявлена война Австрии. Дитрих устроил для добровольцев, среди которых был и его старший сын, прощальный обед. На следующий день страсбургский батальон должен был отправиться на Рейн. Ситуация была напряженной, настроение у всех соответствовало моменту. Все чувствовали, что для защиты молодой свободы придется сражаться со всей старой Европой. Дитрих, произнеся несколько подходящих к случаю слов, обращенных к молодым людям, многим из которых было по пятнадцать-шестнадцать лет, выразил сожаление, что нет песни, чтобы вела их в бой.

Роже де Лиль, молодой способный офицер, присутствовавший на обеде, был дворянином из района Юры. В чертах его лица, сохраненного для нас медальонами работы Давида д'Анжера, больше благородства, чем энергии. Все в его облике говорило о том, что он натура серьезная и глубокая. В салоне Дитриха, где он обычно аккомпанировал на скрипке дочерям мэра, его знали больше как музыканта, чем как поэта. В тот же вечер, вдохновленный словами патриота, взволнованный происходящим, полный энтузиазма горячей молодости, он на одном дыхании создал слова и мелодию гимна, даровавшего ему бессмертие. Сам он не смог ничего рассказать нам об этом вечере, когда голос родины заговорил в его собственном сердце и призвал всех ее детей к оружию под грохот вражеских пушек. Как это ни странно, но за всю свою оставшуюся жизнь он не совершил ничего такого, что могло бы выделить его из толпы. Но в ту ночь его существом завладел дух новой Франции. Плавающие строфы хлынули из его сердца вместе с потрясающей мелодией, взывая к небу, к возвышенным чувствам. Случившееся на другой день навсегда вошло в историю. Поэт в первый раз читал стихи и исполнял гимн своим друзьям. Старшая дочь Дитриха аккомпанировала, Роже пел. «Когда звучал первый куплет, – вспоминает Ламартин, – лица присутствующих побледнели; на втором куплете из их глаз потекли слезы; при звуках последнего куплета произошел взрыв восторженного энтузиазма. Мать, дочери, отец и молодой офицер рыдали в объятиях

друг друга. Гимн был обретен».¹¹

Судьба этой песни тяжела и полна странностей. Ни Дитрих, ни Роже де Лиль не могли представить себе ни того, чему будет служить гимн, сочиненный в порыве чистого энтузиазма, ни того, что станет с ними во время революционных бурь. *Военная песнь рейнской армии* (именно так назвал свое произведение автор, и под этим названием песня была обнародована) назовется *Марсельезой*, поскольку парижане впервые услышали ее в исполнении марсельцев. Но прежде чем она повела добровольцев к победам при Вальми, при Жеммапе и Флери, она должна была прозвучать 10 августа, при штурме Тюильри. Гимн защитников Отечества стал также гимном Террора. Богами было предначертано, что этот гимн будет связан с доблестями и преступлениями, что ему суждено лететь в облаках и волочиться в грязи. О ирония человеческих деяний! Два года спустя Роже де Лиль обвинили в роялизме, и преследователи, гнавшие за ним через Альпы, пели *Марсельезу*, требуя его голову. Что же касается Дитриха, либерала, преданного конституции, он искупил на эшафоте свою смелость и преданность идеалам. Вспомним его последние слова. Они отразили одновременно и поразительное благородство его характера, и величие эпохи: «Если мне суждено погибнуть, – крикнул он своим детям, – это прине-

¹¹ За уточнениями и деталями произошедшего обратитесь к истории *Марсельезы* в монографии Руа де Сант-Круа «Военная песнь рейнской армии» (Le Roy de Sainte-Croix. La Chant de guerre pour l'armée du Rhin. – Strasbourg, Hagemann, 1880).

сет вам горе. Но поступайте так, как поступал ваш отец: любите родину до конца. Отомстите за меня, продолжив защищать ее со всей храбростью, на которую вы способны». Давайте припомним, что по мысли автора и тех, кто поздравил его первыми, *Военная песнь рейнской армии* была гимном защитников Отечества. Приписывать ей другое значение значит обесценивать и унижать ее. Обезображенная во время гражданской войны, она осталась благородной и великой в устах наших армий, защищавших наши земли. В день, когда эта песня вновь зазвучит в городе, где ее создали, республика отдаст свой долг надеждам родины. Но пока статуя Страсбурга облачена в траур, *Марсельезе* суждено звучать в сопровождении похоронного барабана.

Легенда французского Эльзаса чисто военная. Она связана с именами четырех молодых генералов, которые принимали командование по очереди и сражались плечом к плечу в рейнской армии: Ош, Марсо, Клебер, Дезе. Их образ сохранился в памяти эльзасцев как воплощение родины, как живые образы Франции, которые в эти страшные, но героические времена восхищали сердца и царили в душах. Сияющие славой на кровавом небе революции, их образы стали лишь значительнее в исторической ретроспективе. При ближайшем рассмотрении они также не утрачивают своего блеска и значения. Наполеон, последовавший за ними, как будто затмил их и отодвинул на второй план своей колоссальной легендой, своими ослепительными подвигами. Он поко-

рил Францию и ужаснул мир; история еще не изгладила с его надгробья вопроса Манцони: *Была ли настоящая слава? Пусть потомки потрудятся вынести суждение.* Четыре героя, к которым нас подводит легенда Эльзаса, не обладали вселенским гением суверена, победителя Аустерлица и Йены. Зато они обладали качествами, всегда чуждыми тирану: самоотверженностью, искренностью чистых душ, первичной и наивной верой в родину – словом, энтузиазмом.

Ош, которому принадлежит слава захвата оборонительных сооружений Виссембурга и спасения Эльзаса в 1793 г., принадлежит к числу блестящих капитанов, благородных солдат. Он вышел из народа и, будучи натурой деятельной и неутомимой, всему научился сам. Он предугадал приближение великой войны задолго до Наполеона и начал ее. Вместе с тем, он был одарен пылом, способностью к росту. Никто лучше него не мог передать порыв, воодушевить войска. Он собирал в единое целое полностью деморализованные армии и вел их к победе. У Фрешвиллера – об этом печально говорить, ибо в 1870 г. мы потерпели позорное поражение там, где в 1793 г. вышли победителями, – он выставил австрийские пушки на торги и предложил их своим солдатам по 150 ливров за штуку. «Продано!» – ответили гренадеры. И пушки были поставлены на штыки. Появление Оша в Эльзасе было чудесным. «Я вижу нового генерала! – вскричал один офицер. – Его взгляд подобен взгляду орла, гордому и всевидящему. Он силен, как целый народ, он юн, как сама ре-

волюция». Можно сказать, что всеми успехами Ош обязан величию и постоянству души, которая не подвержена влиянию обстоятельств. Его речь бывала порой вульгарна на солдатский манер и полна пафоса, свойственного тому времени. Но все его чувства были возвышенными и благородными. Он не испытывал ни ненависти к своим врагам, ни зависти к своим соперникам. Он отказался мстить Сент-Жюсту, который хотел его опозорить. Он с энтузиазмом приветствовал Наполеона во время первой итальянской кампании, которая заставила мир замереть в удивлении, и назвал его «братом солдат». Незадолго до смерти в Вецларе он разгадал намерения корсиканца и проронил следующие слова: «Если он хочет стать деспотом, это случится только через мой труп». Когда эти слова напомнили Наполеону, бывшему уже на о. св. Елены, тот ответил: «Он остановился там, где я мог бы его разбить». – Правитель Европы мог бы уничтожить этот меч, но не эту душу. И, возможно, умеренность Оша могла бы сохранить левый берег Рейна, который этот неуемный гений потерял после того, как держал весь мир в своих руках.

Среди лейтенантов, сражавшихся под командованием Оша при Ландау, был Дезе. Дворянин из Оверни сохранил строгие добродетели прошлого. Его храбрость была молчалива. Во времена крестовых походов он был бы тамплиером или рыцарем ордена иоаннитов. Во времена первой республики он стал образцовым бригадным генералом, доказавшим, что в любой ситуации хороший солдат состоит из хлад-

нокровия и отваги, а не из гнева и порыва. В Египте, где он лицом к лицу столкнулся с мамелюками, он впервые применил построение пехоты в каре, способ организации войска, так хорошо зарекомендовавший себя в боях против кавалерии. В силе Дезе была скромность, в самоотречении – энергия. Он всегда стремился к второй по значению должности, но вел себя так, будто был на первых ролях. В памяти эльзасцев он навсегда останется благодаря своей замечательной обороне крепости Кель. Он оборонял форт с небольшим отрядом и, поскольку своих пушек в его частях не было, он стал отнимать их у австрийцев. Он и его люди были ослаблены голодом, к тому же им пришлось пробиваться через ряды осаждавших: тем не менее, Дезе смог вернуться из Келя с воинскими почестями. Когда же австрийцы вошли в форт, они обнаружили там только взрытую землю. Их пушки разрушили все, но осажденным удалось уйти и вынести с собой все свое оружие. Смертельно раненный в битве при Маренго, в самом начале этого великого сражения, выигранного первым консулом, Дезе боялся только одного: что его смерть не вдохновит французские войска. Тогда он сказал тем, кто его нес: «Только им ничего не говорите». Когда сегодня мы видим, что памятник ему, стоящий на дороге из Страсбурга в Кель, охраняет немецкий караул, хочется кричать: «Только ему не говорите!»

Памятник Дезе, что спит вечным сном среди народов Рейна, заставляет вспомнить о памятнике его другу, Клебе-

ру. Этот монумент, шедевр Грасса, эльзасского скульптора, большого мастера своего дела, стоит на оружейной площади Страсбурга. Клебер, любимый сын Эльзаса, представлен там во всей своей красе. Эльзас даровал Франции множество смелых солдат, Клебер же – ее герой. «Все в этой фигуре, – говорит его биограф Деспре, – полно величия. Крупные черты лица, большие глаза, большой рот, густые и вьющиеся волосы. Во всем его облике чувствуется жизнь». Случай, решивший его дальнейшую судьбу, характеризует Клебера как нельзя лучше. Он был архитектором в Бельфоре. Началась революция. Офицеры Рояль-Луи отказались признавать новые власти и выступили против них с оружием в руках. Увидев это, Клебер, вооруженный только саблей, защитил представителей власти, переговорил с солдатами и остановил бунт. Вскоре после этого он был назначен заместителем командира батальона второго батальона Верхнего Рейна. Таким он предстал перед нами в этой истории, таким он был всегда: храбрым, нетерпеливым защитником справедливости, всегда готовым сразиться только за нее, защитить ее своей широкой грудью. Свои лучшие качества он проявлял в трудных ситуациях. Казалось, он сам бросается на поиски опасности. При осаде Майнца, в Вандее, у Пирамид, на горе Табор – везде он одинаков, великолепный в атаке, пылкий в обороне, бог для солдат и слава бивуака, где, похоже, он только и мог быть самим собой. Эта богатая натура обладала небрежностью и повадками льва. Он встретил будущее в той

позе, в которой его запечатлел Грасс незадолго до битвы при Галлиполи. Он только что получил письмо от лорда Кейта. Это письмо он комкает одной рукой, а другой держит саблю и, подавшись вперед, всем своим видом отвечает на наглость врагов: «Вот оружие, которое вы требуете. Придите и возьмите его!»

Однажды (это было во время страшной войны в Вандее, на бивуаке, расположенном посреди зарослей дрока) Клебер заметил приближавшегося к нему молодого офицера, служившего под его командованием. Красивое лицо, обрамленное длинными каштановыми волосами; тонкие черты лица, гордый взгляд; на этом благородном лице, как вуаль, застыло меланхоличное выражение, свойственное возвышенным душам. Этот экзальтированный молодой человек хотел лично засвидетельствовать свое почтение генералу и приближался к нему, дрожа от восторга. Клебер, обеспокоенный, погруженный в планирование операции, сказал офицеру суровым тоном: «Вы нанесли непоправимый ущерб, покинув позиции». Офицер, которого звали Марсо, удалился, обиженный. На другой день состоялось сражение. Вдруг Клебер заметил Марсо, несущегося на отряд вандейцев во главе эскадрона майнцских гусар так стремительно, что на какое-то время исчез из виду, окруженный врагами. Генерал решил, что молодой офицер погиб, и стал ругаться как турок на безрассудство молодости. Наконец Марсо появился, его глаза горели. Тогда Клебер поспешил к нему и, сжимая его в сво-

их объятиях, сказал: «Извините! Вчера я Вас не знал. Сегодня же давайте будем друзьями!» И они оставались друзьями до конца жизни. Эта дружба была удивительна даже в эти тяжелые военные годы, дружба столь непохожих друг на друга людей. Клебер был груб; душа Марсо была нежной и впечатлительной. Тем не менее, они никогда не ссорились. Их задача в Вандее была не из легких, полной трудностей, не видимых с первого взгляда. Якобинцы часто подозревали их, комитет общественного спасения угрожал им расследованием, в большинстве случаев заканчивавшимся казнью подследственного. Они же держались друг друга и проявляли великодушие по отношению к роялистам в это жестокое время. Однажды они нашли в лесу детей и вынесли их оттуда на руках. В другой раз они помогли спастись бегством молодой дворянке.

Их дружба была прекрасным лучом света, ведшим их через мрачные времена Террора и превратности войны к человечности, о которой они мечтали. Самбра и Мозель помнят их сражающимися плечом к плечу. Потом судьба разделила их, но сердца их остались вместе. Марсо погиб у Альтенкирхета во время отступления. В этой битве он проявил столько героизма, сколько не проявляют во время победы. Когда его гроб перевезли через Рейн, австрийцы захотели отдать ему почести. Ярость войны затихла на миг перед величием этой смерти. Пушки грохотали на обоих берегах великой реки: противоборствующие армии, примирившиеся на один день,

салютовали, провожая великого героя, погибшего в двадцать семь лет. Клебер пал немного спустя, в Египте, от руки фанатичного мусульманина. Его тело вернулось в родной город и покоится под памятником, расположенным недалеко от монумента Дезе. Случай соединил в Кобленце останки Марсо и Оша, покоящихся в общей могиле. Итак, три героя погребены недалеко от Рейна. Лишь они охраняют левый берег великой реки, завоеванный ими и потерянный нами! Их одинокие памятники – это немые, но неизгладимые напоминания о той Франции, в которую они верили больше, чем в самих себя, и за которую они погибли.

VII. Памятник в Морсбронне

Три четверти столетия отделяют нас от тех славных дней. Этого времени оказалось достаточно, чтобы процесс воссоединения Эльзаса с Францией завершился. Начавшееся в порыве 1789 г., продолжившееся на полях сражений, воссоединение теперь охватило все отрасли промышленности, науки, искусства и литературы. Эльзас всегда подчеркивал свои особенности, но это не мешало чувствовать растущую общность с духом и душой Франции. Ярким свидетельством того, что духовное единение Эльзаса и Франции проникло в глубины сознания эльзасцев, являются народные романы мадам Эркманн-Шатриан. В этих произведениях автор с огромным мастерством рисует нам картины из народной жизни Эльзаса в течение почти ста лет. В произведениях эльзасских романистов до 1870 г. отразилась надежда на то, что две нации, французы и немцы, могут мирно сосуществовать, и Эльзас станет символом этого мира. Многие приверженцы мира до сих пор лелеют эту мечту. Они забывают о том, что Пруссия затаила обиду и уже сто лет вынашивает планы мщения. Как случилось, что то, что нас объединяло, стало рвом, наполненным кровью, да такой глубины, что требуются века, чтобы его засыпать? Здесь не место рассуждать на эту тему. Но мы не можем завершить цикл легенд нашей страны, если не обратим внимание на поле битвы, где

определялось будущее в 1870 г. Как бы ни была печальна наша задача, нам следует пройти по тем местам Эльзаса и Франции, которые разделили, не позволив попрощаться. И если эти воспоминания разбудят печаль, пусть вместе с нею проснется и надежда.

Нидербронн – это небольшой городок, расположенный у перевала, ведущего к Мецу. Высокие колышущиеся холмы опираются на темные отроги гор и окружают долину Саве. Если идти по дороге от Нидербронна к Фрешвиллер через Неевейлер, обязательно увидишь группу высот, на которой 6 августа 1870 г. стояли французские войска. Это поле битвы при Верте, место, наполненное гнетущими воспоминаниями. С первых же шагов вы встретите погребения, отчетливые отметины на зелени равнины, нарушающие мирный покой полей. Это холмики, отмеченные деревянными крестами, где склоняются головки бессмертников и вянет трава. Здесь покоятся вместе французы и немцы, солдаты и офицеры, пруссаки и баварцы. Их тела свалены в общую могилу после ожесточенной битвы. Потом появятся небольшие памятники, огороженные захоронения, мраморные плиты с известными и неизвестными именами. Остановимся, почитаем, поищем знакомых и продолжим свой путь, только каждый шаг будет даваться тяжелее, чем предыдущий. Вот мы и в деревне Фрешвиллер, где недавно восстановлены две церкви, одна – немцами, другая – французами. Оба храма выглядят прекрасными убежищами мира и спокойствия; стоя-

щие друг напротив друга, они, кажется, продолжают давний спор. На склоне другого холма, прямо перед деревней, рядами стоят кресты. Если посмотреть на них с опушки леса, может показаться, что здесь все еще идет битва плечом к плечу. Чуть дальше кресты стоят в определенной последовательности у пустующей дороги. Они напоминают стрелков, изготовившихся к залпу. Здесь тяжело дышать, непроизвольно ускоряешь шаг. Через равные промежутки за крестом встанет крест, и снова, и снова. Со всех сторон, на подъеме и на спуске, вблизи и вдали, насколько хватает глаз. Местность теряет краски, превращается в огромное кладбище. И пока все погибшие спят вечным сном под деревьями, чьи ветви нежно качает ветер, ярость их последней схватки проникает в наше сердце, а наши глаза застилает пот.

Остановимся на высоте Эльзасхаузен. Мы находимся в центре французских позиций. Маршал Мак-Маон расположил на этом открытом всем ветрам месте свою штаб-квартиру. Нам показывают то место, откуда он вместе со своим командным составом следил за ходом сражения. С этой высоты, господствующей над долиной Саве, видно все поле боя, сражение разворачивается прямо перед нами. – Час пополудни. Французы все еще находятся на своих позициях. Фрешвиллер и Верт охвачены пожаром. Канонада и ружейная стрельба слышны с расстояния в два лье. Прибытие на позиции кронпринца и генерала фон дер Танна полностью меняет ход сражения. Новость о прибытии высоких лиц быстро до-

стигает командования. Жестокая схватка на мосту Гунстетт, в которой участвовало множество солдат, привела к тому, что правый фланг был смят и вынужден отступить к местечку Нидервальд. Именно тогда произошла знаменитая вылазка кирасиров, которых называли *Надежда Империи*, вылазка, ставшая легендой Эльзаса и получившая известность во всем мире. Главнокомандующий бросил их на защиту правого фланга. Бригада Мишель получила приказ вернуть селение Морсбронн. Величественное зрелище предстало перед глазами тех, кто наблюдал за тем, как три полка отделились и понеслись, распластавшись по земле, навстречу целой армии, окруженной роем стрелков, растянувшейся по понтонному мосту на целую лигу, в долине Севе. Повинуясь приказам офицеров, прижавшись к шеям лошадей, снося все, что попадалось на их пути, кирасиры понеслись по полю под огнем одиннадцатого корпуса. Но по мере их продвижения стало заметно, как люди падают и лошади несут за собой тех, кто запутался в длинных поводьях. После этой бойни уцелели немногие. По горной дороге они направились в Морсбронн, где из окна каждого дома выглядывало длинное ружье баварца. Тела тех, кто получил приказ вернуть селение Морсбронн, заполнили улицы. Здесь они могли встретить только свою смерть!

После этой неудачной попытки усилить правый фланг маршал был вынужден перенести ставку во Фрешвиллер. Битва проиграна. Центр французских позиций, так самоот-

верженно защищавшийся с девяти часов утра, подвергся атаке с трех направлений превосходящими в три-четыре раза силами противника. Французов обошли с левого фланга, пытаясь отрезать им пути к отступлению. В этой сложной ситуации маршал пытался предотвратить полный разгром своих войск. Он бросил в бой остатки кавалерии, все резервы, которые у него еще остались. Выдумка или правда разговор, предшествовавший этому шагу? Этот диалог повторяли во французской армии, я слышал, как его пересказывали в Эльзасе. Маршал Мак-Маон, повернувшись к генералу Боннеману, крикнул: «Генерал, отправляйтесь на правый фланг со всем вашим дивизионом! Вперед!» – «Маршал, но ведь это верная смерть!» – «Да, но этим вы спасете остатки нашей армии. Обнимите меня и прощайте!» Генерал пустил свою лошадь в галоп, солдаты последовали за ним, и пороховой дым и дым пожара поглотил их. – О эти прекрасные, гордые кирасиры! Цвет молодости, длинные волосы, широкая грудь, бесстрашный взгляд; родина дарила им цветы, юные девы улыбались им из каждого окна, видя в них надежду родины! Что стало с ними? Они спят в земле. Они спасли армию!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.